Социальные связи и контакты среди палеолитических и мезолитических собирателей Балкан и Италии.

Душан Борич и Эммануэла Кристиани

(Dušan Borić and Emanuela Cristiani)

перевод Ю.А.Васильевой

По ряду причин, в число которых входит репродукция, исследование поведения людей и их обезьяноподобных предков должно быть тщательно ограничено в пространстве. Люди (и приматы) всегда находятся во взаимодействии со своими конспецифичными (принадлежащими к тому же виду) соседями и соседями соседей (Wobst, 2000, 221). Вдоль тихоокеанского побережья проживали небольшие сообщества, которые, хотя и говорили на взаимно непонятных языках (в количестве , достигающем нескольких), торговали друг с другом. Раковины Dentalia, собиравшиеся лишь в Пьюджет-Саунде (Puget Sound) и к северу от него, высоко ценились в Калифорнии. С другой стороны, перламутр, получаемый из раковин жемчужниц в Южной Калифорнии, поступал по торговым путям на север до Британской Колумбии и Аляски, где его использовали для изготовления украшений и других ценных предметов. Мне приходилось встречать в «Обнажённом человеке», длинном тексте из [галереи] Тейт, упоминания о межплеменных ярмарках, который устраивались как в Нижней Колумбии (на побережье), так и в материковой части страны. В этом тексте описывается потрясающая картина торговых и обменных связей между народами, подчас проживающими очень далеко друг от друга (Lévi-Strauss 1995, 179 f).

Краткое содержание

Основные пертурбации окружающей среды после окончания последнего ледникового периода, со значительными изменениями уровня моря, существенно повлияли на пространственную организацию палеолитических и мезолитических сообществ охотников и собирателей, населявших территорию между Балканами и Италией. Это является причиной того, что данная область – идеальный объект для изучения того, как различные факторы окружающей среды (природные факторы) могут влиять на формирование связей между различными группами людей и темпы [распространения] инноваций. Италия и Балканы также являются ключевыми областями с точки зрения распространения различных факторов в ходе эволюционной истории европейского континента, результатом которых стало появление в Европе различных гоминид из Африки и Юго-Восточной Азии. И всё же, по сравнению с различными хорошо изученными «горячими точками» в Центральной и Западной Европе, картина палеолитических и мезолитических адаптаций остаётся особенно грубой и приблизительной на Балканах. Это является результатом смещения фокуса исторического исследования, сопровождавшегося нестабильностью недавнего исторического периода, что препятствовало применению новых методологий исследования. В данной статье мы преследуем цель выделить определённые примеры связей, соединявших людей на больших пространствах в течение палеолита и мезолита, и указать на тот потенциал, который открывается в изучении Балкан и Италии в контексте социальных связей.

*Мы благодарим Димитрия Млекужа (*Dimitrij Mlekuž*) за базовую карту Балкан и Италии, использованную в этой статье, Паолу Учелли Гнесутта* (Paola Ucelli Gnesutta) *за помощь с данными (свидетельства) из Сеттеканелле (*Settecanelle*), а также Роберта Уоллона* (Robert Whallon) *за разрешение использовать его рисунок в нашем рисунке 15. Душан Борич (*Dušan Borić*) благодарит Райко Краусса и Гаральда Флосса (*Raiko Krauss and Harald Floss*) за организацию приятной и интеллектуально стимулирующей мастерской в Тюбингене (*Tübingen*) в мае 2014 года, где была представлена версия данного текста.*

Социальный анализ в изучении [общества] охотников и собирателей:

Теоретический контекст

Традиционно, в научном подходе к изучению ранних доисторических периодов, а особенно палеолита, интерес был, в основном, сфокусирован на таксономическом упорядочении диагностически [значимых] типов артефактов, экологических и природных аспектах имеющихся доказательств и/или объяснениях в русле широких эволюционных тенденций. Культурно-исторический [подход], эволюционно-поведенческая экология или неодарвинистские подходы (сравн. Bettinger, 1995) являются фоном для подобных доминирующих тенденций в поле исследования. Интерес остаётся сфокусированным на поиске имеющих решающее значение событий или «недостающих звеньев», сосредотачиваясь, таким образом, на происхождении [человека] и революционных изменениях – это является основной темой возникающих дебатов (Gamble, 2007). Точно так же, изучение социальной организации сообществ собирателей часто оказывалось ограниченным заранее заданной концепцией общества, организованного по стратам, которая применялась априори к большинству, если не всем

собирательским обществам независимо от пространственной локализации и конкретного исторического периода. При этом игнорировались этнографические свидетельства о существовании гораздо более широкого спектра организационных форм, что могло также быть характерно для собирательских обществ прошлого (Binford, 2006). Группоцентрические подходы в антропологическом и социологическом анализе социального контекста в обществе охотников-собирателей рассматривают человеческие сообщества сквозь призму архитектурной метафоры заданной системы взглядов с очень небольшим пространством для индивидуального подхода, который мог бы сформировать какую-либо отличную от общепринятой позицию. Имеющаяся система взглядов поддерживает устоявшийся взгляд на эволюцию социума (Gamble, 1999). Вобст подчёркивает, что «исследователи весьма контрастных парадигм склонны поддерживать одну и ту же тенденцию в представлении данных по [обществам] собирателей» (Wobst, 2011, 269) “ Эти глубоко укоренившиеся тенденции в рассмотрении обществ охотников и собирателей в доисторический период подавляют любой потенциал к формированию более дифференцированных подходов, которые могли бы открыть новые концептуальные горизонты для изучения этих ранних периодов.

Выходя за рамки природных ограничений и социальных установок в изучении собирателей, можно было бы с большой пользой для дела использовать различные пути, предлагаемые теорией связей и анализом социальных взаимодействий (SNA), которые позволяют нам обойти дихотомию между формой и содержанием, обществом и индивидом посредством многомерного подхода к социальной реальности (Gamble, 1999). Фокусировка на SNA в социальных науках получила подтверждение как полезная при создании понятийного аппарата и в ходе анализа нарастающей сложности личных и социальных отношений в современном контексте.

Недавнее исследование подчёркивает древность и уникальность способности к формированию социальных связей в человеческом сообществе, выделяя аспект кооперации в ходе установления контактов как с родственниками, так и с неродственными индивидами как ту особенность, которая должна была присутствовать у древних людей (Apicella et al., 2012). Основной ценностью социальных связей является то, что они соединяют прошлое и настоящее, простые и сложные социальные контексты. Рассматривая развитие человеческой социальности, антропологическое исследование показало, что к 3000.000 до н.э. кора головного мозга была развита достаточно для поддержания социальных отношений и связей в группах приблизительно от 120 до 150 человек (Aiello/Dunbar, 1993; Dunbar, 1996). В этом контексте возникает вопрос о типе коммуникативных механизмов для поддержания такого рода социальных связей и необходимости [существования] рудиментарных форм языка с целью трансформации физических аспектов социального «поглаживания» в некий вид «речевого поглаживания» (Gamble, 1999, 261). Последнее также подтверждается древностью «языкового» гена FOXP2 (Krause et al., 2007). Более того, гипотеза социального мозга предсказывает, что более новые культурные и биологические механизмы были эволюционными ответами на возрастающую потребность интегрировать большее количество индивидов и социальных групп (некоторые из которых контактировали достаточно редко) в социальные образования, которые направляли более широкие группы населения и устанавливали социальные системы как следствие [возрастающей] социальной сложности (Gamble et al., 2011). Гипотеза энергетически затратной ткани связывает эти явления с эволюционным развитием человеческого мозга (и, в целом, мозга приматов) и предполагает, что процесс энцефализации (развития мозга и увеличения его объёма), энергетически затратный, требует поступления [в организм] большего количества белков. Это предполагает изменение качества диеты с упором на потребление мяса и других животных белков. (Aiello/ Wheeler, 1995; Powell et al., 2010). Сопутствующие изменения должны были выразиться в паттернах добывания ресурсов и изменения стратегии жизни с целью поддержания работы увеличенного мозга (Foley/Lee, 1996). Гэмбл (1999) предложил три основных уровня персональных связей, которые можно применить к [различным] видам гоминид с целью концептуализировать структуру социальной жизни охотников-собирателей: (a) интимные связи (приблизительно пять индивидов, которые сравнимы с семьёй или любой группой, состоящей из «значимых других»), поддержание которых основано, в первую очередь, на эмоциональных ресурсах; (b) эффективные связи (приблизительно 20-25 индивидов, которые к контексте охотничье-собирательского общества могут быть приравнены к минимальной команде, связанной общим происхождением или местом проживания), которые мобилизуют не только эмоциональные, но также материальные и, в меньшей степени, символические/стилистические ресурсы; и (c) расширенные связи (100-400 индивидов, что соответствует эффективным в репродуктивном смысле объединениям и племенным объединениями, включающим в себя до 500 индивидов), которые, в меньшей степени основываясь на эмоциональных связях, часто мобилизуют материальные и особенно символически-стилистические ресурсы. Определённые таким образом уровни социальных связей несут в себе сходство с так называемыми «магическими числами», часто используемыми для понимания демографических аспектов. Однако, при определении степени изученности охотничье-собирательских сообществ, основанное на различных этнографических примерах со всего мира (Birdsell, 1073; Kelly, 1995, 2013; Wobst, 1974), подход Гэмбла ставит под сомнение группо-ориентированную модель общества как таковую, подчёркивая необходимость перенести фокус нашего внимания на ключевую роль индивидов внутри социальных образований. Анализ сетевой теории, которая рассматривает социальные отношения в понятиях «узлов» — индивидов, действующих внутри социума – и «связей» — представляющих отношения между индивидами, предоставляет методологические рамки для чрезвычайно востребованного нового подхода к изучению социальных влияний в археологических исследованиях палеолита и мезолита. Не считая новаторских работ Гэмбла (1999), поддерживающих такой подход, было мало серьёзных попыток применить теорию сетевого анализа к изучению периодов палеолита и мезолита, с лишь несколькими яркими исключениями (Coward, 2010, 2013; Wallon, 2006).

Изменения окружающей среды, размеры популяции и социальные связи

Бинфорд (1980) предлагает стратегии архетипического перемещения для собирателей, разделяя их на собственно собирателей, то есть снабженчески организованные группы, которые относительно редко перемещаются, имея привязку к базовому поселению по контрасту с «фуражирами», т.е., группами, характеризующимися большой степенью подвижности, которые часто меняют расположение базового лагеря. Такая дихотомия на идеальные типы редко проявляется [в чистом виде] и её следует рассматривать как некий диапазон, внутри которого следует выделять гораздо более широкий спектр типов и степеней мобильности. Например, имеются документальные свидетельства о группах собирателей, имеющих основную резиденцию вблизи от обильных и предсказуемых источников ресурсов (e.g., Heffley, 1981; Kelly, 1995, 2913) Их социальная, а также информационная мобильность недавно была подчёркнута Уллоном и др. (2011; сравн.Wallon, 2006) В то время как Бинфорд подчёркивал перемещения по ландшафтам как часть устоявшейся системы снабжения [пищей], то есть, в первую очередь как ресурсодобывающую активность, следует также принимать во внимание «неутилитарные» передвижения, например, те, которые были связаны с обменом, как у бушменов (!hxaro) (Wiessner, 1982; cf. Wallon, 2006; Wallon et al., 2011). Как следствие, Уоллон (2006б 262 f.) выделил четыре типа мобильности: переселенческая мобильность, снабженческая мобильность, «социальная мобильность» (посещение родственников и других социально значимых людей) и «информационная мобильность» (т.е., посещение священных мест, для совершения ритуальных действий и других церемоний). Однако, автор подчёркивает, что не следует ожидать жёстких границ между этими теоретически дифференцированными типами мобильности. Имеет смысл предположить, что в доисторических обществах охотников-собирателей кроме интимно-связанных групп из примерно пяти индивидов (семейное объединение) и эффективно работающих групп из 20-25 индивидов (команда), более широкие социальные образования до 500 индивидов соотносились с демографически эффективными образованиями или племенными объединениями — максимальными по размеру командами (Gamble, 1999). Внутри таких максимальных по размеру объединений происходила трансляция культурных практик (ценностей), обучение и обмен [знаниями], что вылилось в сходство технологических ноу-хау и стилей [декорирования предметов] материальной культуры. Например, в таких максимальных по размеру командах был обычным делом обмен сырьем для изготовления кремнёвых орудий в радиусе до 150 километров. В таких общностях, которые представляли собой «маленький мир» прочные связи зависели от частых личных встреч.

И всё же, около 45.000 до н.э. с началом верхнего палеолита в Европе, и, вероятно, в связи с распространением анатомически современных людей (Anatomically Modern Humans, AMH). Археологические данные указывают на возрастающую значимость дальних контактов за пределами территорий сопредельных максимальных племён (см. ниже). Свидетельства о находке экзотических морских раковин, находимых на расстоянии от 200 до 800 километров от места их добычи, равно как сходство культурных практик и формы артефактов на больших территориях предполагают перемещение людей, объектов и инноваций. Почему же были установлены подобные связи между далеко друг от друга расположенными сообществами? Одним из ответов на этот вопрос может быть то, что для людей стало важно устанавливать межрегиональные связи как «страховочную сеть» в условиях непредсказуемого и постоянно меняющегося климата и окружающей среды (Whallon, 2006. В условиях более сурового ландшафта можно предполагать более обширные территории для охотников-собирателей. В ситуациях преподнесения подарков, обмена, церемоний и ритуалов люди могли рассчитывать на то, что в сетевой теории (Borgatti/Halgin,2011) описывается как сила слабых связей — взаимных прав и обязательств между индивидами, которые нечасто взаимодействуют и не поддерживают одни и те же культурные традиции и стили. Но аргумент, касающийся «страховочных сетей» может представляться чрезмерно утилитарным, предлагая ретроспективное понимание и оправдание социальных и культурных практик в понятиях практической целесообразности. В этой традиции антропологической мысли культура понимается как «сконструированная из практических действий и интересов, направляемая чем-то вроде супер-рациональности» (Sahlins, 1976, 73). В соответствии с этим взглядом, культурные практики, которые поддерживали (обеспечивали) обмен «экзотическими» предметами, равно как и способы заготовки и транспортировки продуктов и прочих ресурсов, понижаются в статусе до «адаптивных выгод». Однако, коллективные формы опыта с общими формами воспроизведения [полученных знаний и умений] часто остаются основаны на той неотрефлексированной мысли, что социальность в мире людей всегда заранее символически задана в рамках инвариант, которые универсально структурируют человеческое мышление (напр., Levi-Strauss,1978). Альтернативное объяснение предложено Гэмблом (2012) который, рассматривая гораздо более долгую эволюцию и основываясь на гипотезе социального мозга (Social Brain Hypothesis) (e.g. Dunbar,1996; Gamble et al., 2011) предлагает [рассматривать] критическую роль эмоций в создании и поддержании [существования] больших социальных общностей и социальных связей между гоминидами с большим объёмом мозга. Этот автор особенно подчёркивает роль социальных эмоций во взаимодействии с другими [членами группы] – таких как стыд, зависть, ревность и гордость, которые являются базовыми предпосылками для существования [различных] социальных институтов. В его представлении, эмоции используются как «ресурс, на который можно опираться для укрепления социальных связей» (Gamble, 2012, 19). Может быть также предложена гипотеза, что установление чрезвычайно широких («глобальных») систем социальных связей и их поддержание с начала верхнего палеолита в Европе не только связано с теми темпами, которыми распространялись, принимались и развивались новые модели (паттерны) поведения, но также, более что критично (важно) с широким принятием и удержанием определённых инноваций (cf. Davies, 2012). С эволюционной точки зрения, модели, основанные на [изучении] популяций, предполагают, что инновации имеют меньше шансов быть принятыми и сохранёнными в тех случаях, когда население убывает, чему часто бывает причиной изменение климата и окружающей среды (Таблица 1). В таких моделях разветвлённость социальных связей является важным фактором в распространении инноваций (Shennan, 2001; Kuhn, 2012; критику см. Gamble,2012). Что касается размера популяции, аргумент «слишком мало

деревьев/мышлений в лесу» (Gamble,2012, 20) предполагает, что демографические эффекты увеличения и уменьшения населения влияет на темпы, которыми новые благотворные инновации появляются и распространяются, что проявляется в накоплении и сохранении культурных навыков. Например, в качестве аргумента выдвигается тот факт, что холодные периоды вызывали снижение интенсивности культурного обмена в силу уменьшения населения и потери [части] культурного багажа (напр. Shennan, 2001; Powell et al., 2009). Эти столь разные факторы, возможно, связаны между собой, однако мы нередко испытываем недостаток в систематически собранных и проанализированных данных достаточной степени значимости и временнОй глубины для того, чтобы исследовать два этих фактора во взаимодействии.

Таблица 1. Перспективная оценка высоких или низких темпов внедрения инноваций в связи с поддающимися измерению параметрами, значимыми для палеолита и мезолита, вкупе со специфическими археологическими данными и данными по окружающей среде

	Источники получения информации об окружающей среде для [верификации] археологических данных	Высокая скорость внедрения инноваций	Низкая скорость внедрения инноваций
Климат/ Окружающая среда	Изменение уровня моря; диаграммы, полученные при исследовании пыльцыSea-level changes; pollendiagrams; натёчные образования [в пещерах]	Высокая доступность ресурсов в разнообразных	Фрагментарные и концентрированные области получения ресурсов в сложных природных условиях
Размеры популяции/плотность населения	Радиоуглеродный анализ (датировка); плотность расположения стоянок; толщина арочных слоёв и плотность расположения артефактов; разнообразие диеты	Увеличение/высокая	Уменьшение/низкая
Материальная культура и стратегии землепользования	Техноморфологические особенности артефактов; техники прикрепления [наконечника] к древку; техники использования [орудий]; останки животных и растений	Большое разнообразие видов инструментов и способов их использования; новые варианты использования	Ограниченное число видов инструментов и стратегий землепользования (консерватизм) в течение длительных промежутков
Приоритеты в системе социальных взаимодействий	Транспортировка кремнёвого сырья; транспортировка раковин и другой «экзотики»	Высокая плотность систем социального взаимодействия, включающая как сильные, так и слабые связи	Изолированные популяции либо связанные за педелам племенных объединений посредством лишь слабых связей

Могут быть предложены три более специфичные гипотезы, принимающие во внимание демографию, природно-климатические факторы, степень [распространения] инноваций и системы социальных связей:

— Темпы распространения инноваций и культуры не связаны [между собой] и зависели напрямую от размера популяции: этапы возникновения и распространения большого количества инноваций связаны с периодами высоких темпов прироста населения и наоборот;

— Даже в тех случаях, когда население росло благодаря обилию и доступности ресурсов, темпы развития инноваций снижались;

— Несмотря на небольшой размер популяции и/или природные ограничения, сила [изначально] слабых контактов, которые выполняли функцию «страховочных сетей» в системе социальных связей обеспечивала распространение инноваций благодаря высокой мобильности.

Продолжает быть актуальным интересный методологический вопрос: как лучше всего оценить размеры населения в раннедоисторический период или измерить скорость изменения и развития форм материальной культуры (например, посредством изучения развития различных категорий каменных артефактов в соответствии с типологией) принимая во внимание невысокий уровень соответствия между различными системами анализа? Следовательно, SNA редко используется для изучения систем социальных связей среди собирателей (исключением является работа Кауэрда (Coward, 2013)). Представление такого анализа в контексте формальных рамок SNA применительно к конкретному эмпирическому исследованию выходит за рамки данной статьи. Вместо этого мы хотели бы подчеркнуть отдельные примеры взаимодействия в пределах достаточно больших территорий на протяжении раннедоисторического периода и указать на тот потенциал, который открывает мышление в категориях систем социальных связей при изучении двух связанных между собою областей юго-восточной Европы: Балкан и Италии.

Ранняя предыстория Балкан и Италии. Археологический контекст.

Глобальные природные пертурбации в конце последнего ледникового периода с существенными изменениями уровня моря, должны были существенно повлиять на пространственную организацию охотничье-собирательских сообществ между Балканами и Италией. Таким образом, эти регионы являются идеальной моделью для рассмотрения того, как различные природные факторы могут повлиять на взаимодействие между группами людей и на темпы распространения инноваций.

Балканы и Италия также являются ключевыми промежуточными регионами для распространения чего бы то ни было в эволюционной истории европейского континента, в результате которых различные таксоны гоминид были привнесены из Африки и Юго-западной Азии. Эта окраина юга Европы демонстрирует первые свидетельства культурных и когнитивных новшеств и окаменевшие останки древних людей, которые отмечают появление социального контекста в верхнем палеолите, а также [демонстрируют] поведенческую и культурную сложность на европейской почве. По сравнению с различными хорошо изученными «горячими точками» в центральной и западной Европе, на Балканах картина палеолита и мезолита остаётся весьма нечёткой в результате тенденций, преобладавших до недавнего времени в исторических исследованиях в сочетании с нестабильностью в этом регионе, что препятствовало применению новых методологий исследования. Как для Балкан, так и для Италии характерны данные о находках человеческих останков и артефактов, относящихся к нижнему палеолиту, датируемых периодом более полумиллиона лет назад (e.g., Guadelli et al., 2005; Kuhn, 1995; Mussi, 2002; Rink et al., 2013; Rocksandic et al., 2009; Sirakov et al., 2010; Stiner, 1994).

Существуют также существенные факты по среднему палеолиту, относящиеся к обоим регионам (e .g ., Darlas/Mihailoviće 2008; Mussi 2002; Mihailović 2009; Peresani 2012; Richards et al . 2000; Rink et al .2002). Что же касается системы социальных связей на территории Италии и Балкан в эпоху среднего палеолита, несмотря на случайные свидетельства о перемещении [на большие расстояния или длительное время] сырья для изготовления кремнёвых орудий, как явствует в исследованиях отдельных [захоронений] в Южной Италии (Spinapolice, 2012) и в Венгрии (Kozlowski, 1994), часто соотносящихся с использованием техники Левалуа в ходе поздних стадий среднего палеолита (Gamble, 1999, 265), местный кремень являются основным компонентом орудий из обработанного камня. Такого года социальные взаимодействия для обмена сырьем для изготовления кремнёвых орудий чаще всего не превышали расстояний в 15-20 километров от места сбора. Мелларс предлагает [гипотезу] что в среднем палеолите «различные степени социальной удалённости» определяли «дифференциацию паттернов технологического развития» (Mellars, 1996, 355). Неандертальцы, в основном, проживали в пределах привычного для них ландшафта, т.е., в пределах того, что Гэмбл определяет как интимно-личностные эффективные связи (см. выше). Другими словами, социальная жизнь неандертальцев зависела от со-присутствия и регулярного подтверждения связей посредством регулярных контактов, осуществлявшихся в рутине ежедневных дел (Gamble, 1999, 265). Однако, так же как и с более ранними гоминидами, процесс раскалывания и соединения деталей в каменном орудии при работе с сырым кремнёвым материалом (и его транспортировке) или групповая охота могли породить осознание принадлежности к более крупным социальным общностям. Похоже на то, что любая инновация или новые [паттерны] поведения могли быть локализованы в конкретных региональных зонах именно как результат недостаточной развитости «глобальных» систем связей (Davies, 2012). Обнаруженные артефакты указывают на то, что только с началом верхнего палеолита возникли культурные/стилистические связи, охватывающие гораздо более обширные регионы. Это предполагает установление первой разветвлённой, «глобальной» сети социальных связей в Европе. Вопрос о начале верхнего палеолита на Балканах и в Италии некоторое время являлся предметом интенсивных дебатов, касающихся перехода от среднего к верхнему палеолиту. В обоих регионах известны несколько так называемых нестационарных (временных) каменных разработок (мест обработки камня), в которых производилась обработка кремня в основном по методу Леваллуа, эти разработки датируются как раз рубежом приблизительно 40.000 лет назад. На Балканах лучший образец такой находки известен как Бачокирианский по названию местечка Бачо Киро (Bacho Kiro) (Kozlovsky, 2007), а в Италии – Улуццианский, по названию места раскопок — Грота Улуццо (Grotta di Uluzzo), охватывающего южные части полуострова и южной Греции.

С этими комплексами [фактических находок] связаны также предметы из числа личных украшений, выполненные из продырявленных раковин, зубов, равно как инструменты, сделанные из костяных материалов, рассматриваемые как несущие в себе элемент прогресса в когнитивной и поведенческой сфере. (Benazzi et al., 2011; Mussi, 2002; Stiner, 2010). Высказывалось

мнение, что в отсутствие связи между этими традиционными производствами и предшествующими им местными мустьерскими (Mousterian) традициями среднего палеолита на Балканах и в Италии происхождение указанных комплексов, демонстрирующих технику Леваллуа, следует искать на Ближнем Востоке, где могут быть найдены сравнимые с этими примеры (Kozlovski, 2004, 2007). При том, что таксон не может быть напрямую приписан к технологическим особенностям, было сделано предположение, что [формирование] АМН (анатомически современного человека) могло быть связано с этими непривязанными к конкретному месту производствами. Такая точка зрения предлагается также для самой последней переоценки обнаруженных человеческих останков, связанных с улуццианскими слоями из Грота дель Кавалло (Grotta del Cavallo) датируемых периодом от 45.000 до 43.000 лет назад (Benazzi et al., 2011). Складывается впечатление, что такие нестационарные производства в последующем сопровождались дальнейшим распространением типичных для верхнего палеолита черт традиционной материальной культуры известных как протоориньякская и развитая ориньякская. Одной из типично ориньякских черт является появление раздвоенного конца на рогах, которые в изобилии наличествуют на многих раскопах. Такой раздвоенный кончик подтверждает появление инноваций в охотничьей технологии (Knecht, 1993), которые с большой вероятностью отразились на технике собственно охоты. Однако, согласно данным, недавно полученным с помощью прямого радиоуглеродного ускорителя масс-спектрометрии (далее AMS) по останкам неандертальского человека из Виндии (Vindija) в Хорватии возраст останков пересмотрен и ныне определяется ближе к периоду приблизительно 33.000-32.000 лет назад (Higham et al., 2006). Соответственно, можно говорить о перехлёсте между этими датами и теми, которые приняты для начала и ранних этапов верхнего палеолита в других местах (Joris et al., 2008), увеличивая возможность сосуществования неандертальского населения и населения АМН в юго-восточной Европе. Более того, важность бассейна Дуная в распространении АМН по просторам Европы подкрепляется как ранними датами начала верхнего палеолита в Центральной Европе (начиная с 42.000 лет назад (Conard/Bolus, 2003; Higham et al., 2012)), так и определённым количеством принадлежащих АМН останков с ранней радиоуглеродной датировкой вдоль Дуная в юго-западных Карпатах (Soficaru et al., 2006; Soficaru, 2007). Самые ранние ископаемые останки содержат черепные фрагменты двух индивидов из Пештера-ку-Оасе во внутреннем районе Румынии, на Дунае, которые считаются одними из старейших останков АМН с точно определённым возрастом (Trinkaus et al . 2013; Zilhão et al . 2007; cf . Higham et al . 2011; 2012). Добавим также, что первые следы заселения людьми, соотносящиеся по времени с ископаемыми останками из Оасе, были найдены в пещере Табула Траяна в районе дунайских порогов (Boric et al., 2012). Эта точка зрения, ставшая популярной в последнее время, поддерживается также стратиграфическим расположением слоёв пепла или присутствием осколков обширного вулканического извержения (Campanian Inimbrite), датирующегося приблизительно 40.000 лет назад, которое произошло в районе Флегрейских (Phelegrean) Полей, недалеко от современного Неаполя, что представляет собой важный хроностратиграфический маркер для различных раскопов на территории Италии, юго-восточной и восточной Европы (Lowe et al., 2012). Получившие недавно новую оценку свидетельства заселения бассейна Дуная (северные и центральные Балканы) в палеолите (Baltean, 2011; Bonsall et al., 2012) наряду с вновь открытыми и изученными раскопами (например, раскопки в пещере Салитрена [Milanovic, 2008, Milanovic et al. 2011,]) предполагает сосредоточение ключевых стоянок верхнего палеолита в междуречье Савы и Дуная как важных зон перемещения, где движение культурных инноваций могло быть ускорено благодаря интенсивности контактов и коммуникаций, которые с течением времени привели к созданию широких систем социальных связей. Принятая как данность гипотеза о быстром распространении ориньякских технологий и производства по просторам Европы предполагает, что были, вероятно, использованы природные проходы вдоль долин рек и побережий. Было выдвинуто предположение, что один из основных ориньякских маршрутов, достигавший Италии, проходил по долине реки Савы по современным территориям Сербии, Боснии и Хорватии, на территорию Словении, далее вдоль северного побережья Адриатики и далее на запад по долине реки По на пути в западную Европу. Вдоль этого маршрута находятся важные концентрации стоянок, которые могут быть рассмотрены в более широком контексте транзитных зон в юго-восточной Европе (например, в Словении [Brogar/osole, 1979]) и в Истрии [Balbo, 2008; Malez, 1979]), далее на запад по побережью Лигурии и, в целом, вдоль берегов Тиренского и Адриатического морей в Италии (Higham et al., 2009; Mussi, 2002). Можно представить себе эти ориньякские группы как наиболее ранние примеры развитой системы социальных связей в Европе. Развитые ориньякские производства, как правило, сопровождались граветтскими (Gravettian) производствами с имеющими черешок [для прикрепления к древку] наконечниками и маленькими ножами, датирующимися приблизительно 28.000 лет назад, хотя в Истрии, в Хорватии (Шандалия II) и в Арголидах, в Греции (I Пещера Клисоура) слои с материалами ориньякского типа могли просуществовать до приблизительно 28.000 до н.э. (Karavanic, 2003; Kozlovski, 2008; Kuhn et al. 2010). На восточных Балканах важное содержимое пластов, документирующие этот временной период, было найдено в Болгарии на раскопах в пещерах Бачо Киро (Kozlovsky, 2004 и вышепоименованные ссылки), Темната (Kozlovsky et al., 1992; Tsanova, 2008) и Козарница (Guadelli et al., 2008; Tsanova, 2008). Результаты раскопок свидетельствуют о временном промежутке между ориньякским и граветским слоями. Стратифицированные ориньякский и граветтский слои были также обнаружены между в недавно открытой пещере Салитрена в центральной части Балкан, датирующейся периодом приблизительно 24.000-25.000 лет назад (Mihailovic, 2008; Mihailovic et al., 2011). Рассматривая меняющиеся приблизительно в это время климатические условия, можно говорить о нескольких коротких промежуточных событиях в период между 28.000 и 21.000 лет назад, в течение которого наступление ледника ускорилось после 25.000 до н.э., достигнув Последнего Ледникового Максимума (Далее LGM – Last Glacial maximum) (22.000 BP +/- 2000) (Alley et al., 2005). Эти изменения привели также к уменьшению площади Адриатического моря, открыв большой сухопутный мост, известный как Великая Адриатическая Равнина, соединивший Италию и Балканы. Выдвигались аргументы в пользу того, что северная часть Адриатической равнины могла быть зоной высокой продуктивности в плане добывания ресурсов (Miracle, 2007; см. также Mussi, 2002, 312). Эта свежеотвоёванная [у моря] территория в сочетании с ухудшением природных условий, приведших к последнему оледенению, могли на пике условий ледникового периода способствовать реальным перемещением групп людей из бассейна среднего Дуная, где известны хорошо развитые

граветтские поселения (например, Виллендорф II, Павловские раскопки) в области южной Европы, с определёнными частями Балкан и Италии, и особенно на Великую Адриатическую Равнину, послужившую убежищем как для животных и растений, так и для человеческих групп.

При том что остаётся достаточно трудным подкрепить утверждение о собственно переселении групп людей на протяжении этого периода, представляется [вероятным], что важные влияния из бассейна среднего Дуная на Балканы и в Италию относятся к распространению техноморфологических черт в типах каменных орудий в традициях граветтской культуры в центральной Европе (Виллендорф II, слой 9 – Моравани-Банка-Нитра-Черман) (Kozlovski, 2008). Особенно в период, непосредственно следующий за последним оледенением, начиная с 23.000 лет назад, если не раньше (см. ниже) на всём протяжении от Балкан до Италии можно найти специфическую типологическую категорию, известную как черешковый наконечник, что может быть связано с развитием новых техник прикрепления орудия к рукоятке, причиной для возникновения которых послужили изменения в технике охоты. Черешковые наконечники представляют собой бесспорную техно-функциональную и стилистическую черту, которая является определяющей для типичного способа производства [каменных орудий] ранней фазы эпиграветтского периода. Сходные черты обнаруживаются на территории Балкан и Италии (Whallon, 1999). Наше исследования на раскопках в пещере Врбичка (950 masl) также дают основания высказать предположения касательно стратегий землепользования. Более высоко расположенные местности в Динарских Альпах начали использоваться начиная с начала последнего оледенения, что подтверждается данными о специальных местах для охоты на сурков (Boric et al., 2014a; Cristiani, 2013,2014). Это один из наиболее ранних зафиксированных примеров, подтверждающих существование долгоиграющей эволюционной инновации в стратегиях землепользования, которая понимается как экономия широкого спектра, т.е., смещения фокуса с охоты исключительно на крупную дичь на добычу мелких видов животных и, в целом, расширение ресурсной базы. Имеются примеры перемещения сырья на весьма большие расстояния на протяжении всего граветтского периода. На западных Балканах небольшие количества лимнокварцитов не местного происхождения были перенесены из северной части карпатского бассейна в пещеру Темната (Pavlikowski, 1992) в то время как возможно аналогичные примеры могут быть найдены в южной Апулии в Италии (Bietti/Cancellieri, 2007). Помимо сырых материалов для обработки камня, подтверждается циркуляция [раковин] морских моллюсков, таких как Dentalia, Cyclope neritea и др. (Mussi, 2002). Такие примеры могут указывать на существенную степень развитости связей внутри этих регионов, охватывающих большие расстояния. Позже мы вернёмся к более детальному описанию примеров такого перемещения [сырья и изделий]. Подтверждений такого рода связей становится всё больше в поздней фазе эпиграветтского периода с тенденцией к распространению характеристик, присущих азильской культуре и микролитизации (тонкой работы с камнем) при производстве черешковых наконечников для создания сложных орудий. Существуют и другие примеры связей между эпипалеолитическими стоянками в районе дунайских порогов и современными им позднеэпиграветскими стоянками в Италии (например, Cancellieri, 2010), к более детальному анализу которых мы обратимся ниже. Присутствие глиняных фигурок позднеэпиграветтского периода в Адриатическом бассейне также даёт основания предположить возможные связи с традицией [изготовления таких фигурок] в центральной Европе (Farbstein et al., 2012). Эти примеры позволяют постулировать связи, охватывающие большие расстояния, существовавшие на смежных территориях южной Европы и за её пределами в конце плейстоцена.

Интерстадиальные условия (колебания Боллинга/Аллерёда), приведшие к таянию ледников в альпийском регионе, способствовали повторной колонизации группами людей находящихся на большей высоте местностей в итальянских Альпах начиная с периода приблизительно 15.000 лет назад. В это же время в предгорьях Альп, по аналогии с более ранними примерами на Балканах, некоторые из этих групп [людей] начали специализироваться на охоте на сурков, что подтверждается [находкой] нескольких поселений, демонстрирующих эту специализацию и датирующихся этим периодом (Romandini et al., 2012). Начало голоцена в сочетании с улучшением природных условий приблизительно 11. 600 лет назад принесло с собой восстановление растительных сообществ в этих регионах, способствуя росту густого растительного покрова (Willis, 1994). Затопление Великой Адриатической равнины и различных других участков побережья произошло в результате стремительного начала таяния последнего ледника приблизительно начиная с 15.000 лет назад, вызвав поднятие уровня моря. Высказывалось мнение, что такого рода развитие событий серьёзно повлияло на связи между сообществами, находящимися на большом расстоянии друг от друга на всём протяжении Балкан и Италии и привело в относительному обособлению собирательских общин в обоих регионах в течение раннего мезолита (приблизительно 11.600-9200 лет назад). Такого рода изменения должны были существенно воздействовать на территориальную организацию позднеэпиграветтских групп (Whallon, 2007a). Свидетельства адаптаций в раннем голоцене были найдены в районе порогов Дуная (Bonsall, 2008; Borić, 2011), в Монтенегро (Mihailović, 2007), в южной Греции (Kozłowski/Kaczanowska, 2009), Тессалии (Kyparissi-Apostolika, 2003), в Истрии (Miracle, 1997) и на островах Адриатики притом, что этот период гораздо лучше представлен и изучен в Италии (Mussi, 2002 и ссылки в работе). Некоторые [исследователи] предположили процесс регионализации – в тех случаях, когда имеется мало свидетельств о дальних контактах, формировании «социально закрытых» обществ в раннем мезолите (Mihailovich, 2007). Также представляется вероятным, что были определены территории с преобладанием определённых культурно-стилистических традиций, в Италии и вдоль побережья восточной Адриатики, с течением времени переросшие в совтерский (Sauveterrian) (ранний мезолит) и кастельновианский (Castelnovian) (поздний мезолит) технокомплексы. При этом внутренние территории Балкан характеризовались сохранением эпиграветтских традиций. (Kozlowski/ Kaczanowska, 2009). И всё же существуют хорошо документированные примеры охватывающих большие расстояния обмена символическими предметами, такими как морские раковины, между глубоко внутренними областями, такими как область дунайских порогов и различными прибрежными областями Адриатики (Cristiani/Boric, 2012). Это вновь подчёркивает значимость прибрежных

коридоров (например, Boric, 2011; Floss, 2014) Имеется также свидетельство существенного роста частоты использования костных материалов и развития специфических форм артефактов, таких как, например, гарпуны, в обоих этих регионах.

Наш краткий обзор высветил ключевые моменты развития [человеческого общества] на Балканах и в Италии в ходе раннедоисторического периода и показал потенциал, который открывается при таком подходе к исследованию, целью которого является изучение двух соседствующих между собою регионов Южной Европы, в каждом из которых как природно-климатические, так и социокультурные факторы могли повлиять на паттерны социальной организации групп охотников-собирателей на протяжении тысячелетий. [Данная область исследования] представляет собою нетронутый ресурс, поскольку в настоящий момент наши знания об этих периодах затруднены в результате разнообразных нарушений правил консервации и исследования (особенно на Балканах). Далее мы представим более специфичные примеры связей между Балканами и Италией на протяжении верхнего палеолита и мезолита.

Черешковые наконечники

Как упоминалось ранее, одной из особенно важных технологических инноваций при производстве изделий из расщепленного камня, появившейся на протяжении верхнего палеолита как на Балканах, так и в Италии являются черешковые наконечники (Рис. 1). Чаще всего это наконечники (pointes a cran), но также найдены другие виды инструментов (например, ножи) с сужающимся к концу и отделанным основанием, подготовленным для прикрепления к древку. Появление этой инновации часто связывалось с ранним эпиграветтским периодом на Балканах и в Италии. Было принято считать, что данная инновация распространилась из Центральной Европы, где существовали очаги граветтской культуры, сопровождая, возможно, собственно миграцию населения из Центральной Европы на юг в поисках убежища от ухудшавшихся климатических условий в ходе последнего оледенения . Подобные процессы могли привести к формированию паттерна археологических свидетельств, которое обозначается понятием «горизонт черешковых наконечников» («the shouldered point horizon») (Kozlowski, 2008, 9). Этот тип орудий представляет важную тенденцию в ископаемых [артефактах] появившуюся в этих регионах в описываемый период (Рис. 2).

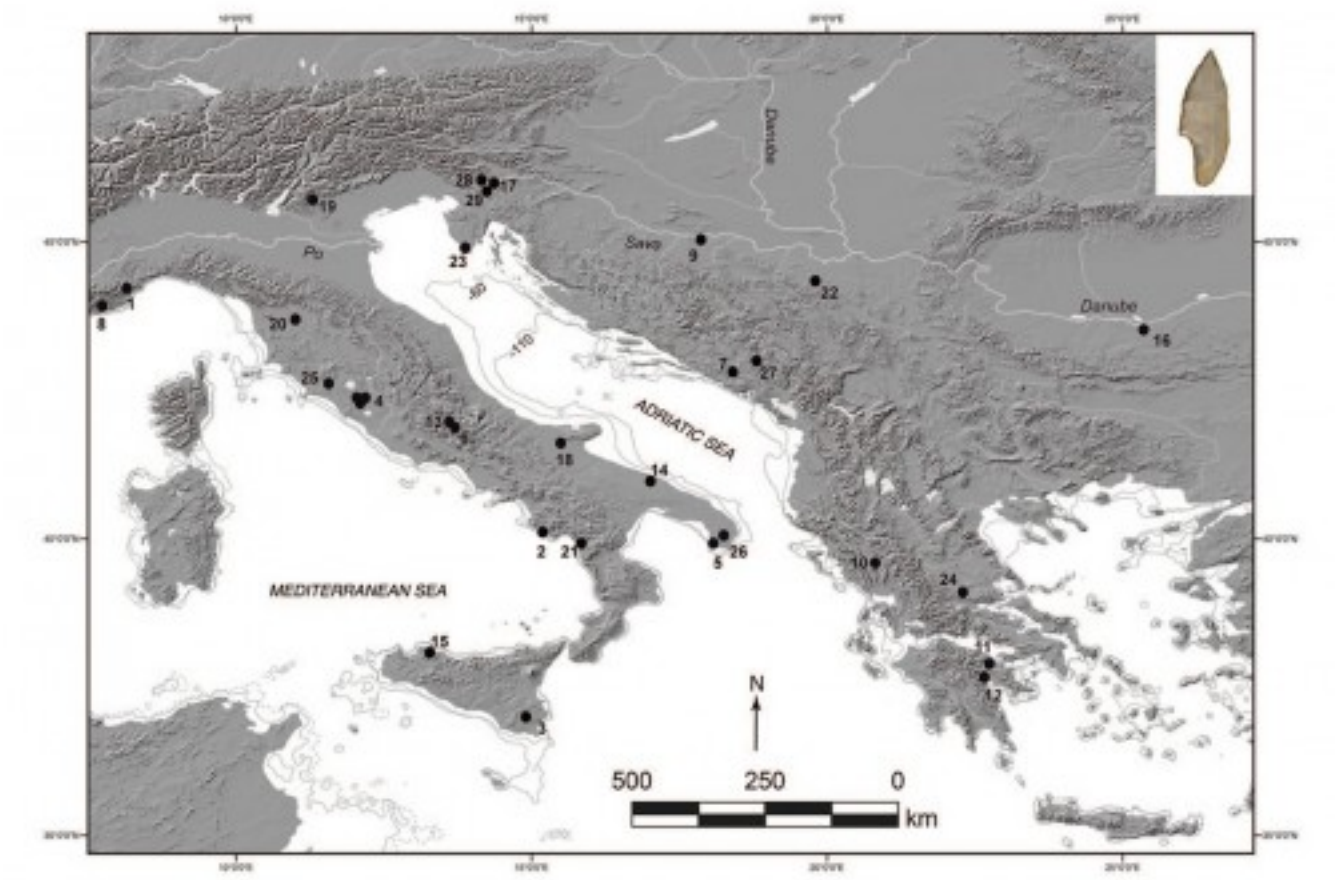

Рисунок 1. Карта, показывающая распределение стоянок, содержащих черешковые наконечники на Балканах и в Италии. Батиметрические контуры показывают понижение уровня моря на 110 метров в кульминационный период последнего оледенения и на 60 метров к концу плейстоцена.

Очень важно то, что эта инновация связана с изменениями в охотничьей практике. Введение нового технологического решения фиксации наконечника позволило прикреплять наконечник к более тонкому древку и создавать более лёгкие и лучше сбалансированные орудия для [стрельбы и] метания. Их также было, вероятно, проще создавать, чем орудия с центральным расположением тыльной части наконечника, поскольку такие наконечники более хрупкие. Такого рода оружие, для метания которого применялись либо луки, либо копьеметалки, позволяли попадать в добычу с большего расстояния (Plisson/Geneste, 1989). В северной Италии центры производства таких орудий (a cran pieces) были найдены в пещере Арене Кандид (Grotta delle Arene Candide) и в пещере Детей (Grotta dei Fanciulli) в Лигурии (Laplace, 1964; 1966), а также в пещере Пайна (Grotta Paina) в Венето (Brogilo et al., 1993). В юго-восточной части полуострова ключевой последовательностью являются раскопки в пещере Пальиччи (Grotta Paglicci) в Пуглии, которая представляет собой наиболее полную стратиграфическую последовательность [типичную для] более широкого адриатического региона (Mezzena/Palma di Cesnola, 1967). В пещере Пальиччи черешковые наконечники находятся в раннеэпиграветтских слоях (слои от 18 до 10). Наличие черешковых наконечников также отмечено в пещерах в Тауризано (Bietti, 1979), Мура и Чипполиане в Саленто, пещерах Нишеми и Каникаттини Баньи на Сицилии, а также Рипаро дель Ромито в Калабрии. Столь широкое распространение позволяет допустить, что черешковые наконечники прочно вошли в обиход во всех северных областях Италии. Пещерные поселения, относящиеся к раннеэпиграветтской культуре известны также в Аппенинах, в областях Марче и Абруццо. Черешковые наконечники найдены также на раскопках в Кавернетте Фаличте (Mussi/Zampetti, 1985), пещере Самбуко (Barra Incardona, 1969), Ченчиано Дурито (Pennacchioni/Tozzi 1984) и в пещере делле Сеттеканелле (Ucelli Gnesutta/Cristiani 2014, ссылки в этой работе) в Лацио . Некоторые из более ранних стоянок, где присутствуют черешковые наконечники, найдены в Истрии (Хорватия) (Шандалия II, датирующаяся 21.740+/- 450 BP, Malez, 1979), Овча Яма в Словении (слои 3 и 4, датирующиеся 19.540+/- 500 BP, Osole 1962,1963), а также Кастрица в западной Греции (уровень 19, датирующийся 19.540+/- 370 BP, Bailey/Gamble, 1990).

Недавние исследования в пещере Врбичка в западной части Черногории свидетельствуют о находке одного черешкового наконечника. На настоящий момент это может быть наиболее раннее появление такого рода орудий на Балканах, поскольку слой, в котором оно было найдено, относится к AMS и датируется периодом 23.120+/- 160 до н.э. (Oxa-27861), что соответствует приблизительно 28.000-27.000 лет назад (Borić et al., 2014a; Cristiani, 2013; 2014), отодвигая во времени появление таких орудий такого типа на Балканах в граветтский период в контексте производства наиболее ранних черешковых наконечников в данном регионе. Два черешковых наконечника также были найдены в граветтских уровнях пещеры Салитрена в западной Сербии и считаются относящимися к периоду 25.000 – 24.000 лет назад (Mihailović 2008; Mihailović et al., 2011, 89) но фактические данные с этих раскопок пока ещё не были опубликованы. В настоящее время остаётся актуальной необходимость лучше понять возникновение «горизонта черешковых наконечников», тянущегося через Балканы и Италию, а также потребность установить более точную хронологическую шкалу для расположения находок такого типа в этих двух регионах, а также определить возможные связи с производствами [кремнёвых орудий] в бассейне среднего Дуная. Было выдвинуто предположение, что именно фактическое перемещение населения в южные области Европы в поисках убежища от похолодания в ходе последнего оледенения способствовало распространению инноваций в форме черешковых наконечников. Альтернативное или дополнительное объяснение может состоять в том, что распространение конкретно этой инновации, касающейся прикрепления [наконечника] как возможное улучшение в технике охоты явилось частью передачи знаний, которая оказалась возможной благодаря существованию хорошо развитой системы социальных взаимодействий, возникновение которой могло отчасти быть обусловлено ухудшением климатических условий в начале оледенения.

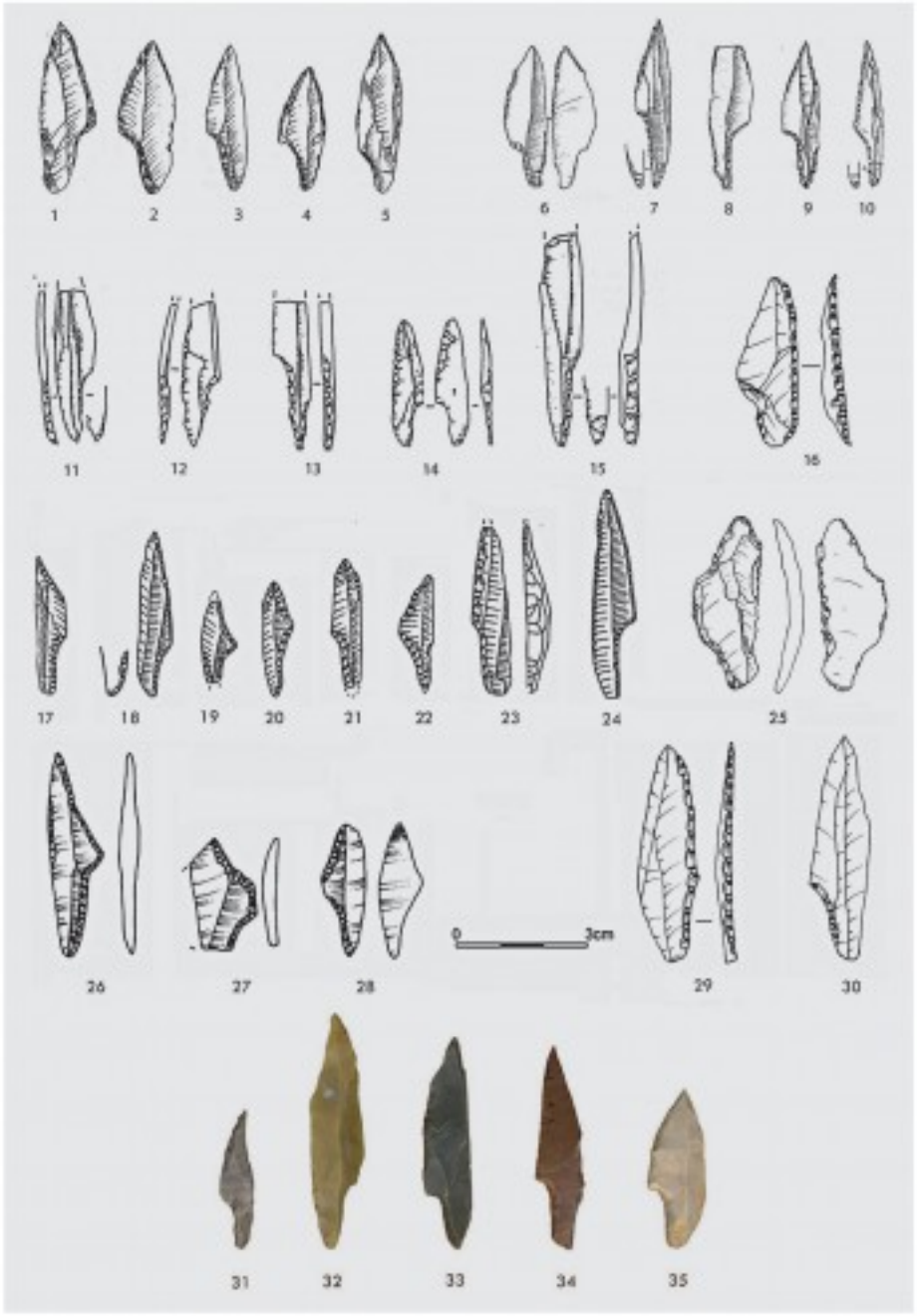

Рисунок 2. Выборка черешковых наконечников с различных граветтских и эпиграветтских стоянок в Италии и на Балканах.

Можно увидеть, что частота «аритмических» процессов уменьшения и увеличения популяции на всём пространстве данных регионов в течение граветтского и эпиграветтского периодов могли, помимо всего прочего, привнести свой вклад в возникновение потребности в надёжной системе социальных связей на больших пространствах с возможностью передачи знаний и ноу-хау среди групп собирателей. В этом контексте появление и распространение конкретной технологической инновации является лишь эпифеноменом социальной организации, которые к этому времени уже имели место за пределами соседствующих между собою региональных племенных объединений.

Декоративные мотивы

В позднеэпиграветтский период чрезвычайно схожие геометрические декоративные мотивы встречаются одновременно в местностях на Балканах и в Италии, разделённых сотнями километров (Рисунок 3). В Италии в эпиграветтских слоях в Гротта делле Сеттеканелле (Grotta delle Settecannelle) в Лацио представлено богатейшее разнообразие [мелких] предметов декоративно-прикладного искусства, состоящее из более чем 50 украшенных резьбой объектов из камня, кости и рога. Некоторые из этих объектов являются инструментами. Стратиграфия Сеттеканелле охватывает промежуток времени от раннего эпиграветтского периода, характеризующегося наличием (присутствием) т.н. «этапа надреза» до финальной фазы

эпиграветтского периода, характеризующегося производством коротких скребков серповидной формы романеллианского типа (Boschian/Ucelli Gnesutta 1995). Хронология смены человеческих поселений в данной пещере базировалась на данных радиоуглеродного анализа последовательно сменявших друг друга очагов. Имеется семь определённых таким способом дат, которые охватывают эпиграветтский период (Таблица 2). На рисунке 4 откалиброванный разброс этих дат сравнивается с данными δ18 Oice по Северной Гренландии (NGRIP) и стратиграфией событий. Невзирая на необходимость соблюдать осторожность в связи с ограниченным количеством дат и относительно неточным, хотя и удобным радиоуглеродным анализом, вполне вероятно, что расположение слоя 10 датирующегося тремя измерениями с помощью радиоуглеродного анализа, относится к ранней фазе промежуточного (переходного) периода, описанного Боллингом/Аллерёдом (Bølling/Allerød), то есть периодом между 15.650 и 13.490 лет назад (достоверность 95%). Слой 8 определяется только одной датой, полученной с помощью радиоуглеродного анализа, которая определяется в пределах 13.030 и 11.760 лет назад (достоверность 95%), что попадает во временные рамки похолодания в позднем дриасе. Образцы декоративно-прикладного искусства получены из двух последних эпиграветтских слоёв: слоя 10 и слоя 8. Природная галька была в ряде случаев украшена «натуралистической» резьбой, изображающей зубров. В этих слоях также найдены кости с резьбой в «структурированно-геометрическом стиле» и артефакты с «повторяющимся резным рисунком», представляющим собой орнамент. Один из вычерненных над огнём костяных объектов был украшен резным рисунком, состоящим из параллельных прямоугольных фигур в сочетании с зигзагообразным мотивом (Рисунок 5). Узор покрывает всю поверхность, оставляя свободной лишь центральную часть. Микроскопический анализ показывает, что на этом участке была [предварительно] нанесена сетка из параллельных линий как основа для задуманного паттерна из прямоугольных фигур. На кости представлены три абстрактных мотива: меандр, угловая (зигзагообразная) кайма и прерывистая линия. Меандр изображён вдоль обломанного края и является незаконченным (неполным). Сохранившаяся часть [рисунка] состоит из пяти параллельных линий, расположенных очень близко друг к другу. Наружная линия глубокая, и мы можем предположить, что другая такая же линия должна была завершать рисунок в отсутствующей [ныне] части. Зигзагообразная кайма состоит из шести линий, которые формируют угол в 90 градусов. Под ней четыре центральные линии расположены попарно, в то время как две внешние линии прерываются слева и справа и обрамляют сегмент прерывистой линии (Ucelli Gnesutta/Cristiani 2002). Можно провести сравнение стиля как геометрических, так и натуралистических узоров с тем, что обнаружено на других современных этим палеолитических стоянках в Италии. Например, меандровые мотивы, обнаруженные в пещере Полесини (Grotta Polesini) в Лацио (Lazio), Рипаро Тоальенте (Riparo Tagliente) в Венето, Пещерах Фучино (Fucino caves), в Абруццо, Гроте Палличчи (Grotta Paglicci) в Апулии (Arrighi et al . 2008; Arrighi 2012), Рипаро дель Ромито (Riparo del Romito) в Калабрии (Graziosi 1973; Grifoni Cremonesi 1998). При раскопках всех этих стоянок найдены мелкие объекты с резьбой, представляющей как натуралистические, так и геометрические мотивы. И обе категории орнаментированных объектов сходны с найденными в Сеттеканелле. Более того, стиль резных изображений, найденных в Сеттеканелле, может также быть сходен с рисунками, найденными в Куина Торкулли в районе дунайских порогов на территории современной Румынии (Mărgărit 2008; Păunescu 1970). Четыре даты радиоуглеродного анализа получены из слоёв I и II в Куина Торкулли, а более поздние AMS даты, полученные из слоя II, позволяют датировать человеческие останки (Таблица 3; Рисунок 6). Предостережение, высказанное по поводу ограниченного числа дат, полученных с помощью радиоуглеродного анализа имеющихся относительно [артефактов из] Сеттеканелле, применимо также и в данном случае. Слой I определяется тремя датами, которые попадают в раннюю фазу промежутка Боллинга/Аллерода (Bølling/Allerød). Калиброванный разброс этих трёх измерений находится в промежутке между 15.280 и 13.590 лет назад (достоверность 95%). Если сравнивать с датировкой [артефактов из] Сеттеканелле, имеется временнАя близость между периодами формирования этих позднеэпиграветтских слоёв, где декоративные мотивы появляются на двух [разных] стоянках. Верхнепалеолитические слои I и II в Куина Торкулли оказались местом находок нескольких предметов искусства с геометрическими мотивами (Рисунок 7), очень сходными с теми, которые были найдены в верхних эпиграветтских слоях в Сеттеканелле. Помимо зигзагообразных линий, обнаруженных на ряде украшенных резьбой костяных объектов, один предмет из кости (слой I) имеет идентичные параллельные меандрообразные линии, похожие на те, которые мы видим на объекте из Сеттеканелле. Сходства между эпиграветтскими уровнями в Куина Торкулли и Клименте II в районе дунайских порогов и Сеттеканелле, обнаруживаются также в соответствующих [способах] производства каменных орудий и включают наличие гранёных изогнутых наконечников и многочисленных круглых серповидных скребков, ножей с одной и двумя режущими кромками, с обратными рёбрами жёсткости (Chirica 1999). Эти техно-морфологические особенности являются общими для производства каменных орудий в конце периода оледенения на всей протяжённости центральных и восточных средиземноморских регионов: Южной Франции, Италии и Балкан (Broglio/Kozłowski 1987; Kozłowski 1999). В дополнение следует сказать о подобном же разнообразии орнаментальных бусин, изготовленных из [раковин] морских брюхоногих моллюсков, особенно Cyclope neritea (См. ниже), равно как и клыки красного оленя были использованы в двух удалённых друг от друга и соотносимых по времени друг с другом поселениях [древних людей].

Таблица 2. Датировки, полученные с помощью радиоуглеродного анализа [объектов из] грота Сеттеканелли (по данным Ucelli Gnesutta/Cristiani 2002, сноска1).

слой	контекст	лаб ID	материал	^{14}C (uncal. BP)
8	кострище	GrN-15977	уголь	10570±260
10	кострище	OZC-164	уголь	12050±150

10	кострище	GrN-21847	уголь	12540±100
10	кострище	OZC-163	уголь	12700±170
14-12	кострище	OZC-165	уголь	15700±180
16	кострище	OZC-166	уголь	16200±200
17	кострище	GrN-21848	уголь	16620±210

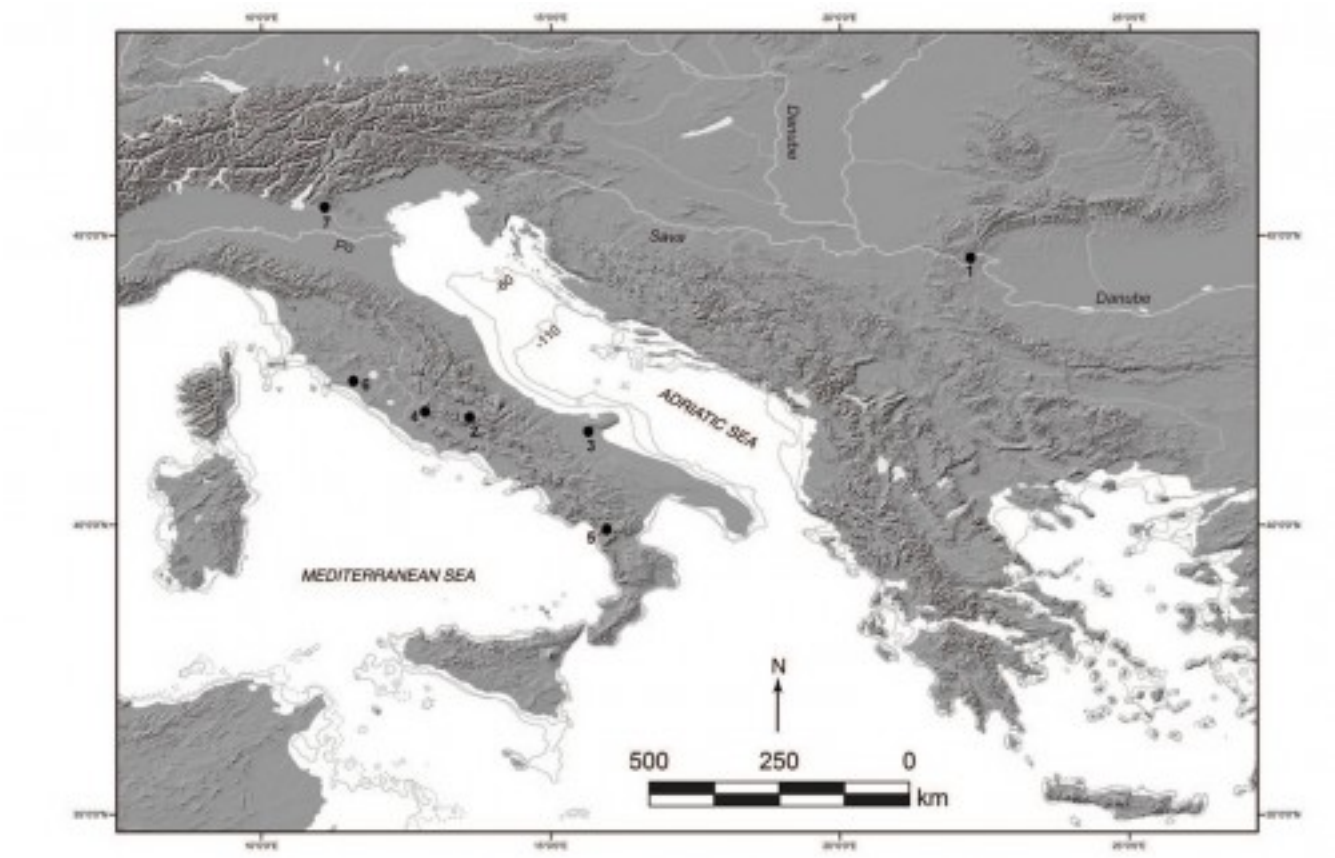

Рисунок 3. Карта, показывающая распределение стоянок, на которых были обнаружены [объекты] украшенные резьбой с декоративными мотивами в эпиграветтском стиле на Балканах и в Италии. Батиметрический контур показывает [неоднократное] понижение уровня моря: на 110 метров на пике последнего оледенения (LGM, Last Glacial maximum) и на 60 метров к концу плейстоцена.

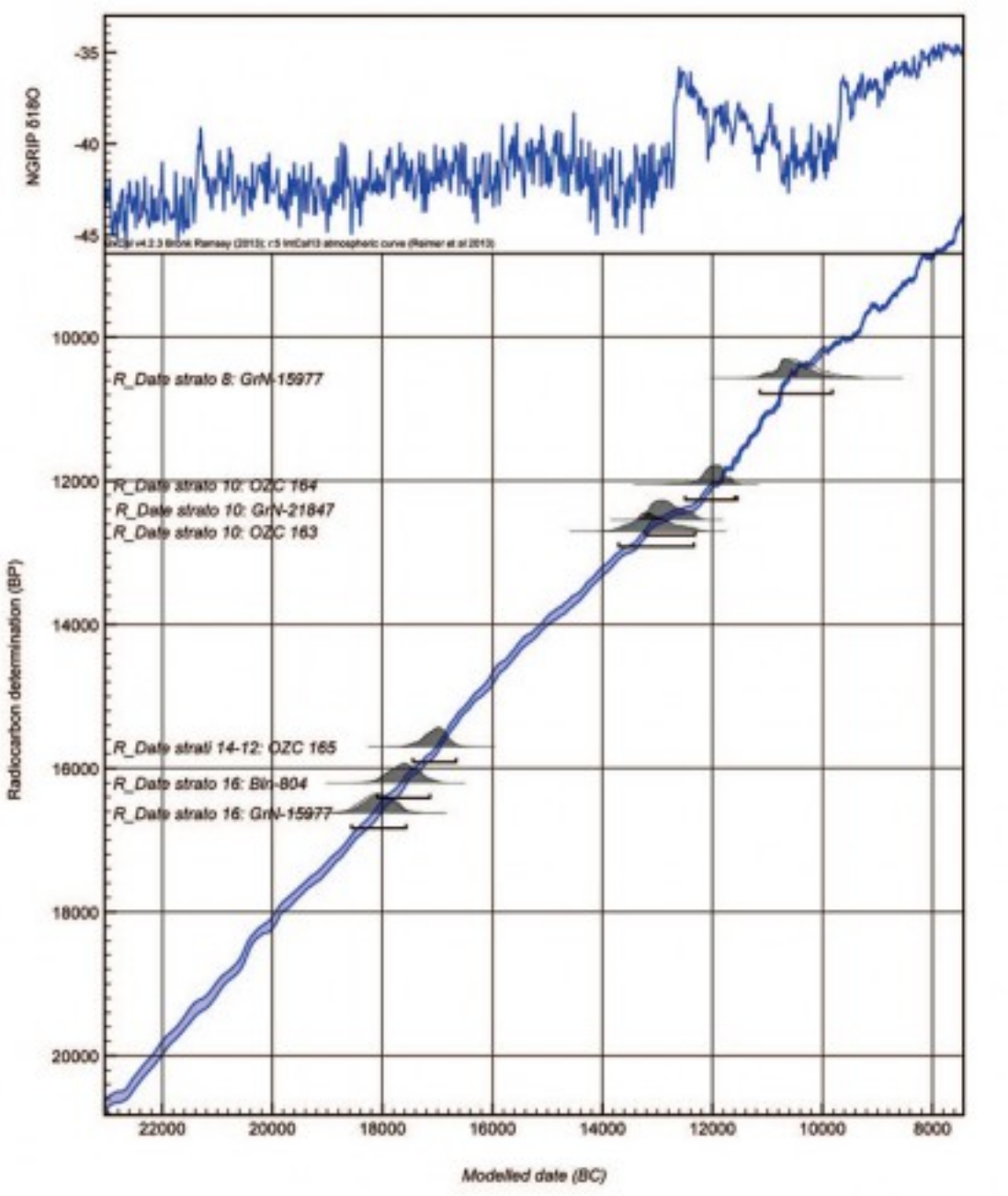

Рисунок 4. Откалиброванный разброс датировок полученных с помощью радиоуглеродного анализа на материалах из эпиграветтских словев Гротта делле Сеттеканелле. Датировки откалиброваны с использованием OxCal v4.2.3 (Bronk Ramsey et al. 2013) и наборов данных IntCal09 (Reimer et al. 2013); в сравнении с данными и стратиграфическим описанием событий δ18Oice по Северной Гренландии (NGRIP) .

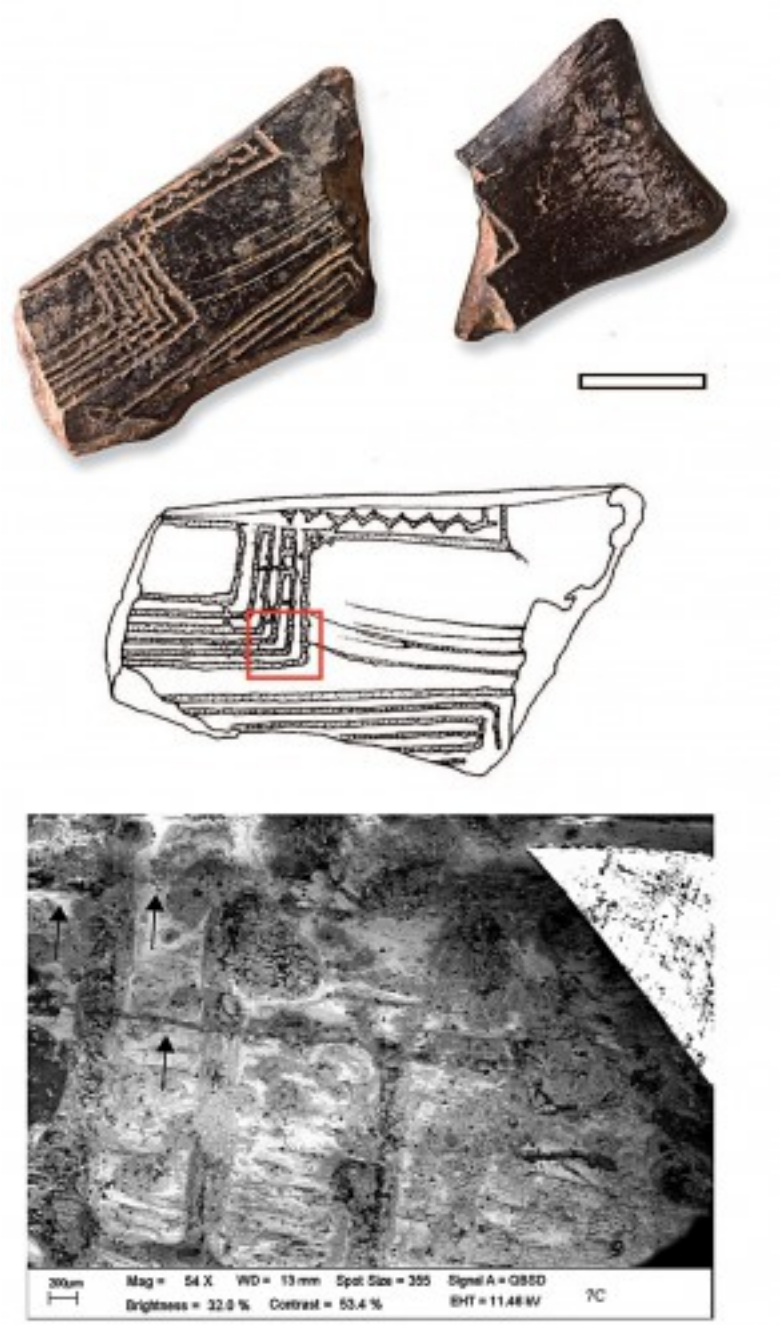

Рисунок 5. Украшенная резьбой кость из Сеттеканелле, слой 8, Лацио, Италия (по Ucelli Gnesutta/Cristiani 2002).

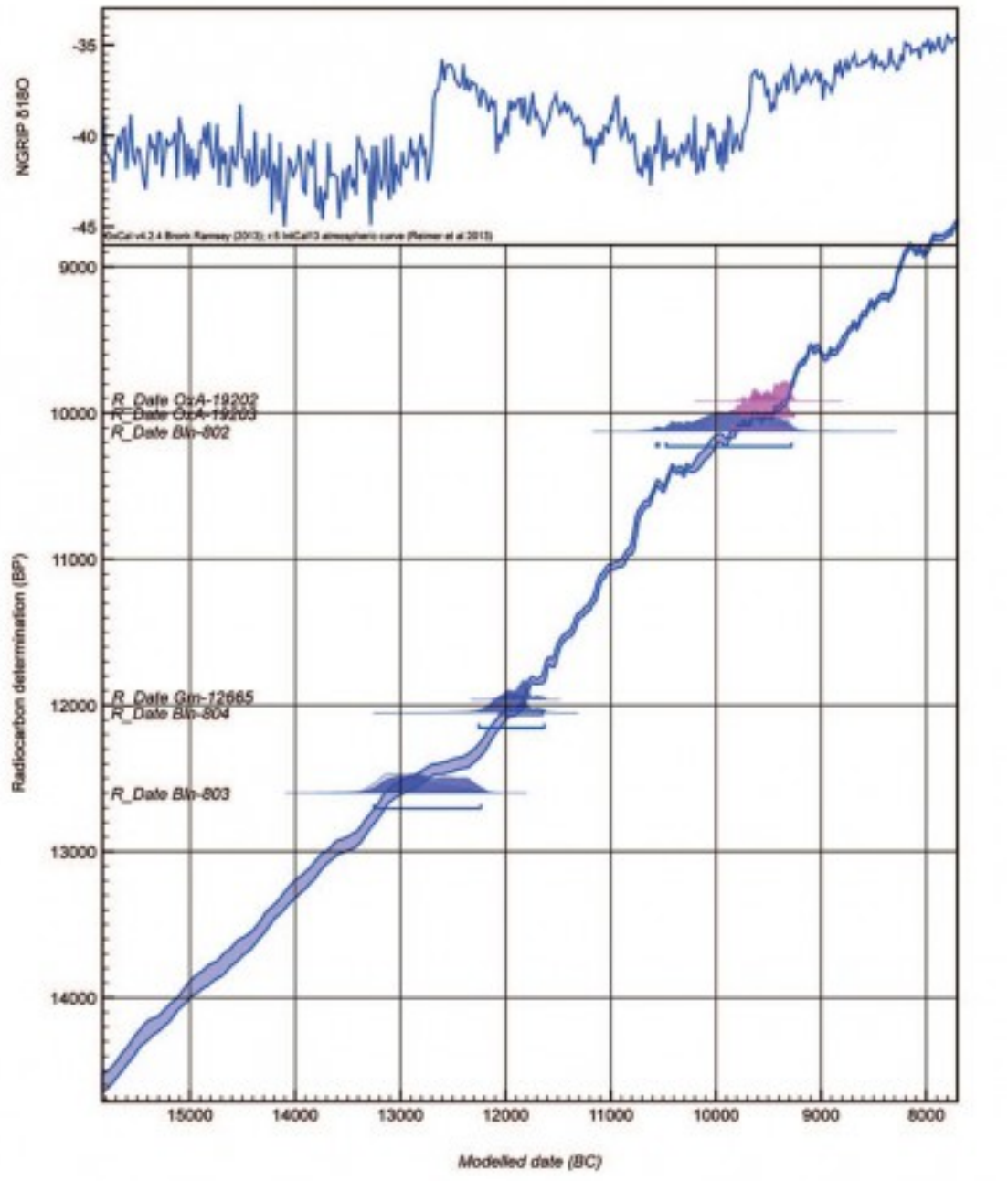

Рисунок 6. Откалиброванный разброс датировок полученных с помощью радиоуглеродного анализа на материалах из эпиграветтских уровней Куина Торкули. Датировки откалиброваны с использованием OxCal v4.2.3 (Bronk Ramsey et al. 2013) и наборов данных IntCal09 (Reimer et al. 2013); в сравнении с данными и стратиграфическим описанием событий δ18Oice по Северной Гренландии (NGRIP) .

Таблица 3. Данные, полученные с помощью радиоуглеродного анализа и с помощью AMS анализа (сырые и пересчитанные значения даны для OxA- AMS по данным Bonsall et al. 2015, tab. 2), для Bln- и GrN по данным after Păunescu 2000, 342

Слой	Контекст	Лабораторная идентификация	Материальный субстрат	δ**13C**	δ**15N**	**14C (uncal. BP)**
II	“Индивид 1,”взрослая женщина,левая плечевая кость	OxA-19203	кость,*Homo sapiens*	– 19, 4	15, 2	10. 435±45 (сырые)10. 003±71 (пересчитанные)
II	“Индивид 2” (687),Взрослый	OxA-19202	кость,*Homo sapiens*	– 19, 3	15, 2	10. 350±45 (сырые)9918±71

	мужчина?,25-35 лет, левая локтевая кость				(пересчитанные)
II	Глубина3,68 – 3,85 м.,кострище в основании слоя	Bln-802	УгольСосна*(Pinus sp)*	-	10. 125±200
I	Глубина6,2 – 6,4 м,костище в основании слоя	GrN-12665	УгольСосна(*Pinus sp.*)	-	11. 960±60
I	Глубина6,2 – 6,4 м,кострище в основании слоя	Bln-804	УгольСосна(*Pinus sp.*)	-	12. 050±120
I	Глубина5,9 – 5,95 м	Bln-803	Уголь,Сосна(*Pinus sp.)*	-	12. 600±120

Невзирая на то, что некоторые из черт сходства между этими регионами могут происходить из более старых культурных репертуаров и интерпретироваться как следствие разветвления культурных процессов, удивительное сходство декоративных мотивов, использованных приблизительно в то же время, едва ли может быть объяснено конвергентными и независимыми инновациями в двух столь удалённых друг от друга регионах. Расстояние между Сеттеканелле и Куина Торкулли составляет около 900 километров по прямой и существенно больше, если принимать во внимание географические и другие ограничения и препятствия для путешествующих. По нашему мнению, наблюдаемые сходства могут быть лучше объяснены с точки зрения охватывающих большие расстояния связей в рамках устоявшейся системы социальных взаимодействий за пределами территорий смежных региональных общин. На протяжении обсуждаемого времени — как в течение промежуточного [периода] Боллинга/Аллерода(Bølling/Allerød interstadial), так и в ходе позднего дриаса — можно представить себе относительно открытые и местами слегка лесистые ландшафты. Следует отметить, однако, что, основываясь на более свежих данных, полученных при анализе пыльцы и дополнительной прямой датировки крупных угольных остатков идентифицированных видов деревьев в ходе ледниковых периодов ландшафты Юго-Восточной Европы представляли собой не степи, как считалось ранее. Около 40% общего количества пыльцы получено от хвойных пород деревьев с игловидными листьями, таких как сосна (Pinus). Но существуют также достоверные данные о выживании в укрытых местах лиственных и даже широколиственных видов деревьев, таких как дуб (Quercus) и орешник (Corylus), в небольших оазисах внутри в основном хвойных лесов. В дополнение, обращённые к югу склоны также могли сохранить лиственные породы деревьев. Особенно средние высоты в горных местностях с более высокими нормами выпадения осадков могли быть благоприятны для выживания лесов, при том, что более низкие высоты оказывались слишком сухими, а более высокие – слишком холодными (Willis 1994; 1996; Willis/van Andel 2004). И всё же, пересечение больших расстояний по просторам позднеледниковых ландшафтов Южной Европы могло быть значительно более простой задачей по сравнению с ранним голоценом. Кроме того, более низкий уровень моря на Адриатике мог по-прежнему позволять осуществлять короткий коммуникационный маршрут из внутренних областей Балканского полуострова с пересечением северной части Великой Адриатической равнины в Италию. Эти природные и географические факторы в сочетании с потребностью в поддержании дальних контактов, возможно отчасти как страховка в непредсказуемых и суровых климатических условиях среди небольших, замкнутых в основном на себе сообществ (см. выше), могла быть возможной причиной для объяснения существования подобных дистанцированных связей в течение этого периода.

Рисунок 7. Украшенные резьбой кости из эпиграветтских уровней Куина Торкулли, район дунайских порогов, Румыния (по Mărgărit 2008, Рисунок 81; Păunescu 1970). 1 — Украшенная орнаментом лошадиная фаланга, слой 2; 2. Украшенные орнаментом кости, слой I.

Но, как было подчёркнуто выше, связи между сообществами не должны интерпретироваться как порождённые исключительно утилитарными и рациональными мотивами. Следует признать, что археологическая шкала и относительно грубые представления о палеосреде при сравнении с временнОй привязкой декоративных мотивов с двух местоположений, Сеттеканелле и Куина Туркулли, остаются приблизительными, содержащими некоторое число сомнительных моментов, относящихся к детальной реконструкции контекста принятого [нами] за данность взаимодействия между двумя отдалёнными друг от друга регионами. Дальнейшие уточнения хронологических и палеоприродных рамок позволят сделать более уверенные выводы при попытке реконструировать вид и интенсивность системы социальных взаимодействий в поздней эпиграветтской культуре в Италии и на Балканах.

Декоративные бусины

По понятным причинам бусины часто играют важную роль в обсуждении дистанцированных взаимодействий (обменов) между различными сообществами. Бусины можно понимать как несущее сильную смысловую нагрузку материальное воплощение с символическими побочными значениями и как важный элемент визуально-информационных технологий благодаря лёгкости их транспортировки и стандартизации качества (например., Kuhn/Stiner 2007; d'Errico/Vanhaeren 2007; Vanhaeren/d'Errico 2006; White 2007). Основываясь на длительной и непрерывной (от палеолита до мезолита) последовательности в пещере Франкти (Franchthi Cave) в Греции, Перле (Perlès , 2013, 296) не так давно отстаивал мнение о том, что орнаментальные традиции могут быть поняты как отражение долгосрочных местных преемственностей, а не отражение изменений, связанных с перемещением населения или социальными связями и могут рассматриваться в отличных от соотносящихся в иными категориями материальной культуры шкалах изменений (например, каменных орудий). Например, во Франкти (Franchthi) украшения демонстрируют удивительную стабильность в течение длительного времени и, в отличие от каменных изделий, был избран ограниченный спектр типов, с преобладанием раковин моллюсков Cyclope sp ., Columbella rustica и Dentalium sp ., в то время как зубы с отверстиями и украшения из кости отсутствуют. И всё же на шкале средней степени подробности и на более детальном уровне типологии Перле выделяет различные фазы орнаментального комплекса с Homalopoma sanguineum, характеризующей как ориньякскую так и граветтскую фазы в развитии орнаментировки, Columbella rustica как общая (распространённая) в эпиграветтской фазе и появления продырявленной гальки в связи с мезолитом (Perlès 2013, 287). Замечательно, что не выявлено никаких изменений в орнаментальном репертуаре при переходе от ориньякской к граветтской культуре и, позже, от эпиграветтской культуры к мезолитической, хотя предполагается смена населения в обоих случаях, что основано на изменениях в характеристиках каменных орудий. Бусины, изготовленные из раковин брюхоногих моллюсков рода Cyclope neritea, представляют собой один из старейших типов бусин, использовавшихся с начала верхнего палеолита как на Балканах, так и в Италии (Рисунки 8-9). Образцы из пещер Франкти (Douka et al . 2011) и Клиссура (Stiner 2010) показывают, что бусины, изготовленные из раковин Cyclope neritea, обнаруживались начиная с промежуточного (Улуццианского (Uluzzian)) слоя и самых ранних верхнепалеолитических слоев сначала в береговых зонах, которые находились в относительной близости от естественной зоны обитания этого вида. Аналогично, относительная близость найденных археологами бусин из раковин Cyclope neritea к естественной области обитания данного моллюска в случае обнаружения небольшого количества украшений, изготовленных из раковин этих моллюсков, может быть объявлена связанной с в верхнепалеолитическими слоями на раскопках в Вела Спила (Vela Spila) на острове Коркула (Korčula (Cristiani et al. 2014a)) и в пещере Влакно (Vlakno Cave) на острове Дуги Оток (Dugi Otok) (Vujević/Parica 2009/2010). Оба эти поселения находятся в Хорватии. На обеих площадках также обнаружилось несколько бусин из раковин Columbella rustica, притом что пик их популярности приходится на мезолит (см. ниже). С другой стороны, на Балканах, наиболее ранний пример распространения бусин такого типа в удалённые от моря районы на значительные расстояния, превышающие 400 километров, относится к их появлению в ранее обсуждавшихся эпиграветтских слоях в Куина Торкулли, в районе дунайских порогов, в Румынии (Mărgărit 2008, fig. 81; Păunescu 1970). По прямой расстояние от района дунайских порогов до Чёрного моря вдоль течения Дуная около 500 километров, кратчайший маршрут до южной части Адриатического моря – около 400 километров, а до северной части Эгейского моря – около 500 километров. В Италии бусины, изготовленные из раковин Cyclope neritea были найдены, помимо всего прочего, в кладах при стоянках Рипаро Моки (Riparo Mochi) в Бальци Росси (Balzi Rossi) (Stiner 1999a), Гротта ди Фумане (Grotta di Fumane) (Fiocchi 1997), Рипаро Таглиенте (Riparo Tagliente) (Gurioli 2006), и в Биарцо Biarzo (Cristiani 2013) .

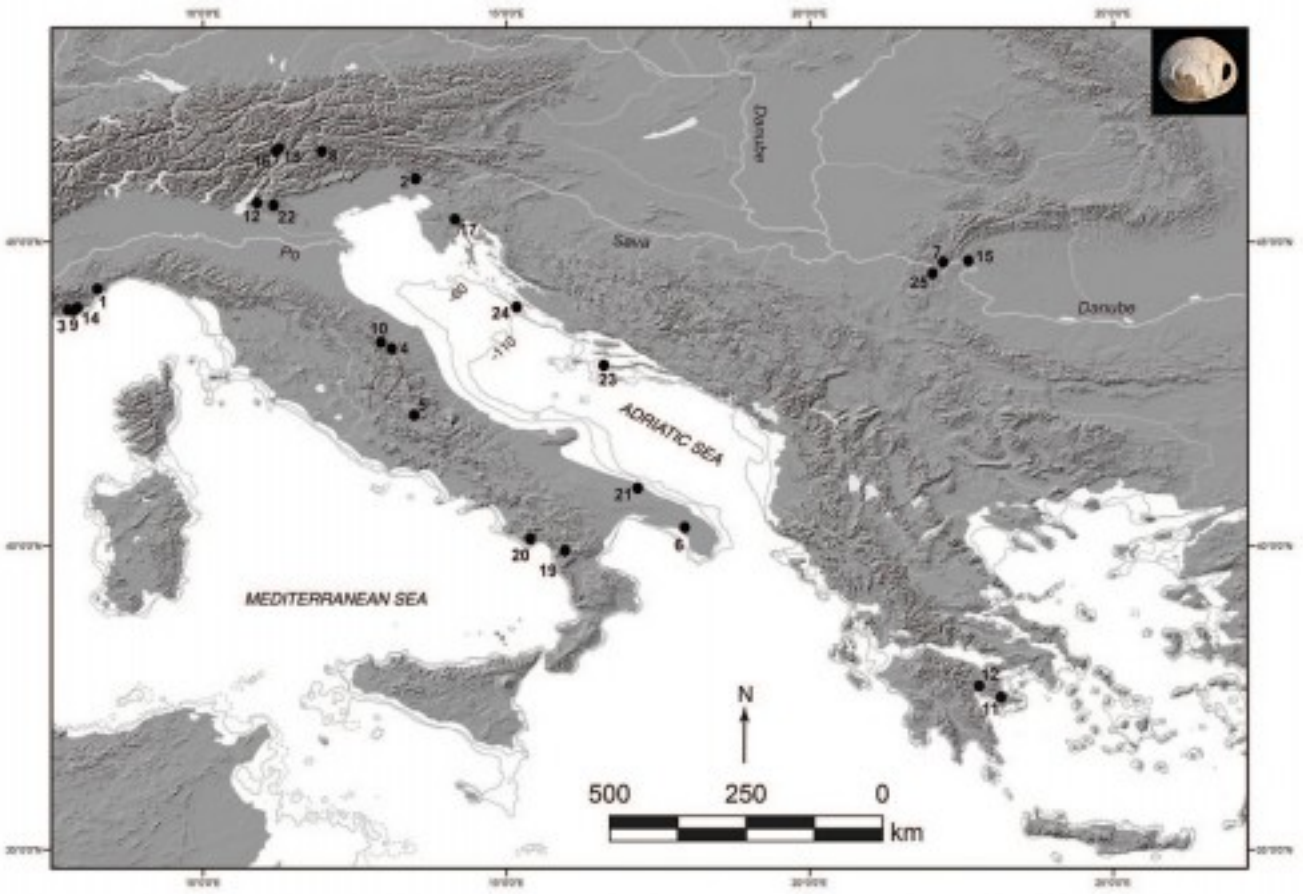

Рисунок 8. Карта, показывающая распределение на Балканах и в Италии верхнепалеолитических и мезолитических стоянок, на которых были найдены бусины из раковин Cyclope neritea. Батиметрические контуры показывают понижение уровня моря – на 100 м на пике последнего оледенения и на 60 м к концу плейстоцена.

В Санта Мария ди Аньяно (S . Maria di Agnano) в Пуглии, бусины, изготовленнные из C. Neritea, были найдены в женском погребении граветтского периода burial (Giacobini 2006, 173; Vacca/Coppola 1993). Наиболее известными примерами являются два позднеэпиграветтских погребения детей (двух и четырёх лет), из Гротта деи Фанцулли (Grotta dei Fanciulli), в Лигурии с набором из более чем 1426 украшений, изготовленных из раковин Cyclope neritea, находившихся на спине умерших, под тазовыми костями (Vanhaeren/d'Errico, 2003). Эти погребения относятся к поздней фазе эпиграветтского периода (Henry-Gambier и др. 2001). В том же регионе, в Арене Кандиде (Arene Candide) граветтское погребение Принц и несколько других эпиграветтских погребений были украшены различными бусами из морских раковин, среди которых были многочисленными изделия из Cyclope neritea (Cardini 1980). В Ла Мадлен, в о французской провинции Дордонье, младенец был похоронен с сотнями бусин из Dentalium несколькими бусинами из C. Neritea, это погребение относится к эпипалеолитическим (азильская культура) (Vanhaeren/d'Errico 2001; 2003).

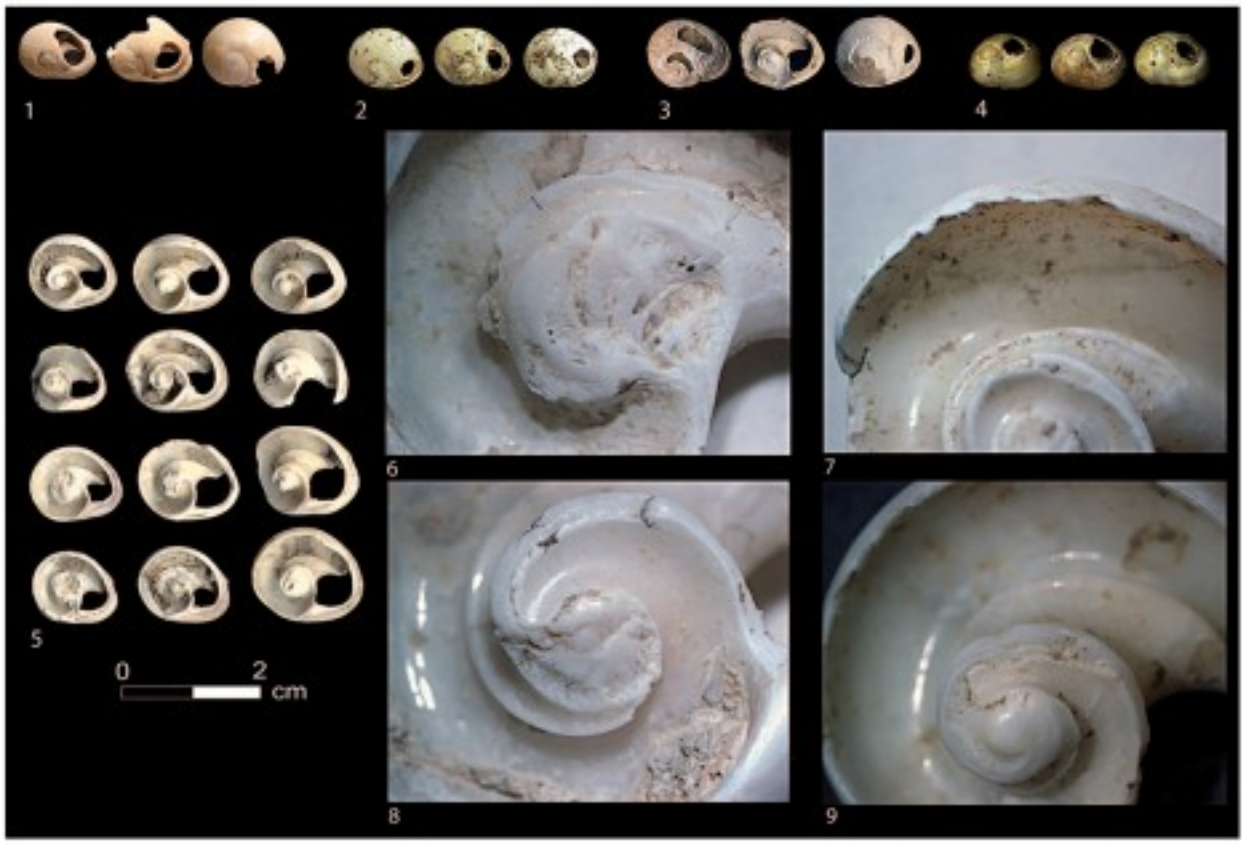

Рисунок 9. Бусины из раковин Cyclope neriteaornamental, найденные в Италии и на Балканах. 1. Биарцо (Biarzo); 2. Тагленте (Tagliente); 3. Вела Спила (Vela Spila); 4. Мочи (Mochi); 5-9 Власак (Vlasac).

Представляется, что эта очевидная популярность бус из раковин C. Neritea пережила свой пик на территории Италии, но также и на Балканах приблизительно в то же время, на протяжении эпиграветтского периода. Это хорошо коррелирует с предшествовавшим обсуждением декоративных мотивов, которое позволило предположить большой протяженности связи между определёнными регионами Италии и Балкан в конце верхнего палеолита. С другой стороны, некоторые другие верхнепалеолитические стоянки во внутренних областях балканского полуострова представили только свидетельства о существовании ракушечных украшений из Dentalium. Речь идёт о таких локациях как граветтские слои стоянки в пещере Салитрена (Šalitrena Cave) в Сербии (Mihailović 2007) и Бадан Роксшелтер (Badanj Rockshelter) в Герцеговине (Whallon 2007b) . И наоборот, в гроте Машина Стиена Роксшелтер (Mališina Stijena) в северной Черногории Montenegro, два продырявленных экземпляра Nassarius gibbosulus были найдены в позднеэпиграветтском слое 2 (Bogićević/Dimitrijević 2004; Radovanović 1986). Nassarius был также найден в Вела Спила (Vela Spila) (Cristiani et al . 2014a). Ближе к адриатической прибрежной (береговой) зоне также можно найти раковины Glycimeris в граветтских/эпиграветтских уровнях в гроте Црвена Стиена (Crvena Stijena Rockshelter) в Черногории и пещере Влакно (Vlakno Cave) на острове Дуги Оток (Dugi Otok) в Хорватии (Vujević/Parica 2009/2010). Добавим также, что бусины, изготовленные из рудиментарных клыков красного оленя, оставались популярными в течение всего рассматриваемого периода и [также] обнаруживаются на некотором количестве стоянок. На протяжении раннего и среднего мезолита (от 11.500 до 9.300 лет назад) упоминания о бусинах из раковин C. Neritea исчезают из записей об археологических находках на мезолитических стоянках в районе дунайских порогов в балканском регионе (Borić 2011) и в Италии (Mussi 2002). В этом регионе бусины никогда не связывались ни с погребениями, датирующимися ранее мезолита, ни со слоями, содержащими артефакты периода раннего мезолита. Притом, что это может быть отражением относительно лишь фрагментарной сохранности и опустошённости этих слоев в силу того, что стоянки использовались повторно в позднемезолитический и неолитический периоды, это может быть также и подлинным паттерном свидетельств, которые указывают на временнЫе изменения в характере [межобщинных] связей и использовании бус для украшения. Точно так же, основные изменения в циркуляции кремнёвого сырья хорошего качества сочетаются с сопутствующими выборами [соответствующих] технологий на Балканах с началом голоцена. Это интерпретировалось как следствие «возрастающей доли лесистых территорий, что закрыло доступ к некоторым первичным местам добычи [кремнёвого сырья] и возрастающей изоляции человеческих групп в раннем голоцене» (Kozłowski/Kozłowski 1982, 100; cf. Mihailović 2007) . Действительно, с началом голоцена на всей территории Балкан быстро распространились лиственные леса весьма сходного для всего региона типа, состоящие из трёх видов деревьев. Доминировали дуб (Quercus), орешник (Corylus), лайм (Tilia), и вяз (Ulmus) (Willis 1994). В настоящее время доступные данные по району дунайских порогов и других внутренних территорий в раннемезолитическую эпоху остаются слишком скудными для того, чтобы позволить дать более уверенный ответ, касающийся характера связей между собирателями прибрежной зоны и собирателями из внутренних

районов страны.

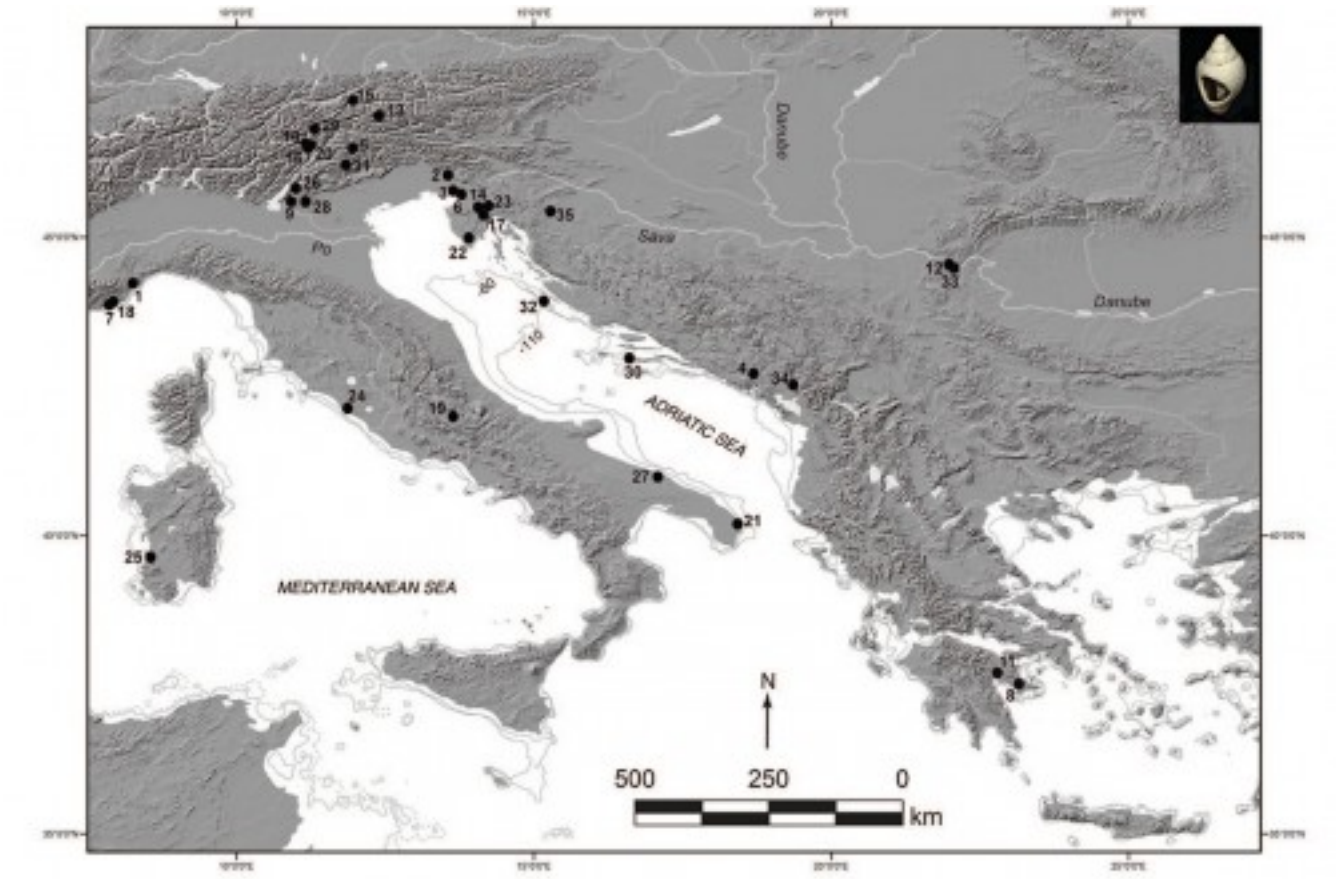

Рисунок 10. Карта, показывающая распределение эпиграветтских и мезолитических стоянок с бусинами из раковин Columbella rustica на Балканах и в Италии. Батиметрические контуры показывают понижение уровня моря на 110 метров на пике последнего оледенения и на 60 метров к концу плейстоцена.

Представляется [вероятным], что на Балканах с началом мезолита, приблизительно 9300 лет назад имело место важное изменение. Вывод о масштабах протяженных связей, возможно, снова лучше всего обоснован присутствием “экзотических” украшений в районе дунайских порогов. Позднемезолитические находки бусин, изготовленных из раковин C. rustica на стоянке Власак (Vlasac) в связи с захоронением в Погребении 49 (Borić 2011, 171 и цитируемые работы). В этом контексте особенно важно, что Погребение 49, одно из двух, принадлежащих неместным индивидам на этой стоянке, что подтверждается данными анализа изотопов стронция (Borić/Price 2013), и является единственным на стоянке Власак (Vlasac) при раскопках которого было найдено одиннадцать бусин из раковин C. Rustica. Это позволяет предположить, что данный индивид (предположительно женщина) происходил из областей за пределами дунайских порогов, возможно из одного из упомянутых нами прибрежных регионов. На стоянке Власак (Vlasac) бусины из раковин C. Rustica были найдены в культурном слое, датирующемся периодом от 9000 до 8800 лет назад (Borić et al. 2014b). Это может быть прямым отражением роста популярности таких бус в прибрежных районах Адриатики и в более широком смысле – в окружающих адриатическое побережье регионах (например, Cristiani 2012; Cristiani et al . 2014a) (рисунки 10 – 11).

Приблизительно в то же время или несколько позже, ближе к периоду 8500 лет назад, несколько захоронений на стоянке Власак содержали бусины из раковин C. neritea, которые были прикреплены к одежде умерших (Cristiani/Borić 2012). В числе предметов, найденных на другой, в настоящее время не датированной, по приблизительно относящейся к позднему мезолиту стоянке в Островул Банулли (Ostrovul Banului) некоторое количество подобных бусин также было найдено вместе, как набор (Mărgărit 2008, fig. 104). Как на стоянке Власак, так и в Островул Банулли предметы из раковин C. Neritea указывают на позднемезолитическую технологическую традицию обработки раковины, удаления завитков и выступов с целью сделать более удобным прикрепление [изделия] к одежде (Рисунок 9), что отличается от паттерна, основанного на сверлении отверстий, общего для эпипалеолитических изделий из Куина Торкулли (Cuina Turcului) (Cristiani/Borić 2012).

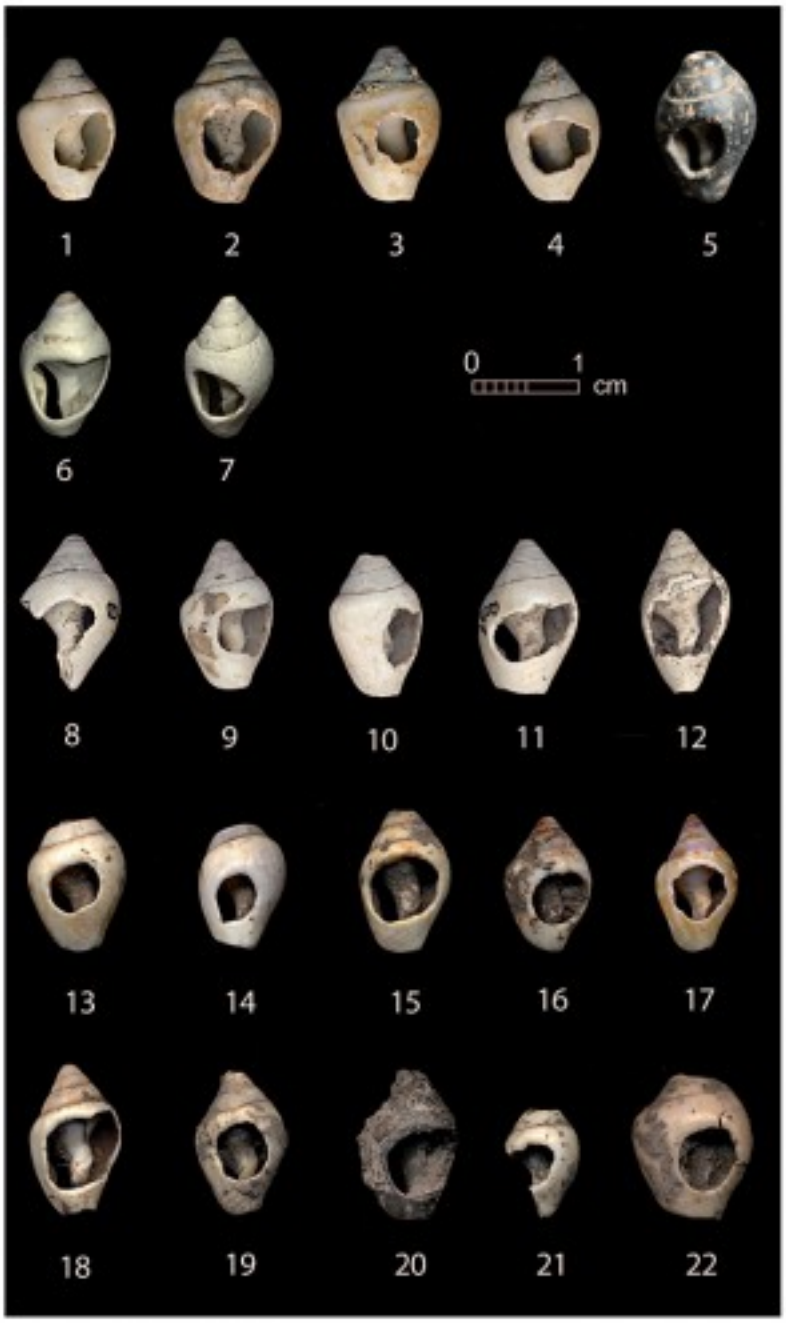

Рисунок 11. Выборка декоративных бусин из раковин Columbella rustica, найденных в Италии и на Балканах

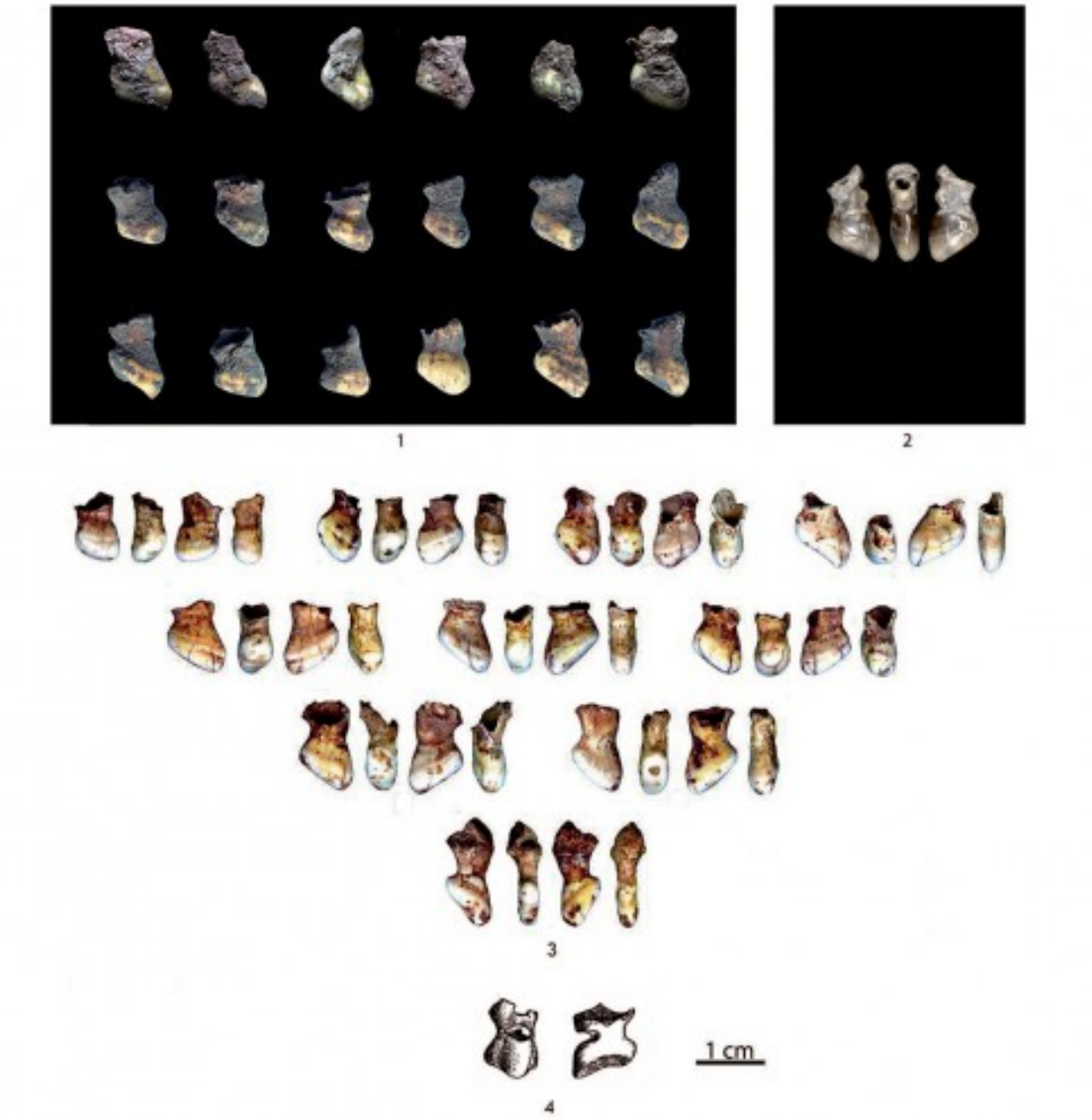

Рисунок 12. Типы декоративных бусин из зубов карпа, найденных в районе дунайских порогов, Черногории, Крыму и в верхнем течении Дуная.

Рисунок 13. Реконструкция вышитого одеяния типа плаща, одежды взрослых женщин и детей в позднемезолитический период (стоянка Власак), основанная на распределении украшений в захоронениях H2 и H297 (рисунок Мауро Кутрона).

Похоже, что C. neritea оставались популярными в пещерах Франкти (Franchthi) (Perlès/Vanhaeren 2010) и Клиссура 1 (Klissoura 1) (Stiner 2010) на протяжении всего мезолита. Однако не существует первичных захоронений в пещере Франкти, содержащих украшения и возможное использование бусин из раковин моллюсков C. neritea и Dentalium приписывается лишь расчленённым останкам младенца и ребёнка в возрасте трёх-шести лет (Fr 414) (Cullen 1995, 277) . С другой стороны, никаких бусин из раковин C. Neritea не было найдено в мезолитических слоях Вела Спила (Vela Spila) в Хорватии, где C. Rustica были абсолютно доминирующим видом брюхоногих моллюсков, чьи раковины использовались для изготовления декоративных бусин Mesolithic (Cristiani et al . 2014a). В мезолитических слоях пещеры Пупичина (Pupićina) в Хорватии только одна бусина из раковины C. Neritea была найдена в наборе бус, в котором доминировали бусы из раковин C. Rustica (Komšo 2006; Komšo/Vukosavljević 2011, таблица 1) .

Но не только “экзотические” украшения из морских раковин перемещались на большие расстояния. Есть документальные свидетельства обмена украшениями на расстоянии, превышающем 100 километров между находящейся на морском побережье стоянкой в пещере Пупичина (Pupićina cave) в Истрии и находящейся в материковой части стоянкой в пещере Зала (Zala Cave) в Хорватии.

Притом, что бусины, найденные на мезолитических уровнях пещеры Пупичина, были чрезвычайно многочисленны (90 шт.),

их также находили (в меньшем количестве, всего 9 шт.) в мезолитических слоях пещеры Зала. А [изделия из] раковин пресноводных моллюсков Lithoglyphus naticoides найдены в более значительном количестве (35 шт.) в пещере Зала, но их находка (6 шт.) отмечена и в пещере Пупичина. Это может означать возможный обмен украшениями и регулярную коммуникацию между собирателями береговой зоны и собирателями, жившими во внутренних районах (Komšo/Vukosavljević 2011). В данном конкретном случае весьма возможно, что подобные обмены и коммуникации имели место в рамках региональных (“племенных”) территорий, что может быть соотнесено с территориями [развития] этнических культур (см. ниже).

Другой пример декоративных бусин не-морского происхождения, которые, похоже, перемещались на большие расстояния, относится к одному определённому виду украшений, находимому в больших количествах в районе дунайских порогов, где он появляется с началом периода позднего мезолита. Глоточные зубы карпа превращались в декоративную деталь путём сверления или надрезов в основании зуба и прикрепления с помощью смолы к нитям, окрашенным охрой (Рисунок 12) Они находятся сотнями в позднемезолитических погребениях как взрослых так и детей в пещере Власак of Vlasac (Borić et al. 2014b; Cristiani/Borić 2012; Cristiani et al . 2014b) и Скела Кладовей (Schela Cladovei) (Bonsall 2008; Boroneanţ 1990). В пещере Власак такие украшения были обнаружены либо отдельно, либо в комбинации с бусинами из раковин C. Neritea, а в одном случае – в сочетании с бусинами из раковин C. rustica. Эти декоративные бусины были пришиты к одеяниям, которые покрывали умерших и, основываясь на их распределении в захоронении, можно предположить, что такая вышивка в основном украшала одеяние типа плаща, которое находилось под умершим, покрывало его спину или окутывало всё тело (Рисунок 13). Выше мы отмечали интересное отсутствие украшений из рудиментарных клыков красного оленя в районе дунайских порогов и тот факт, что это, возможно, связано с ростом популярности бус из зубов карпа (Cristiani/Borić 2012, 3463). Бусы из клыков красного оленя были широко распространены среди собирателей Евразии и за её пределами в верхнем палеолите и мезолите. Они (бусы) были найдены также в позднеэпипалеолитических слоях Куина Торкулли (Cuina Turcului) и Клименте II (Climente II) в районе дунайских порогов, но полностью отсутствуют в [слоях] мезолитического периода в этом регионе. Существует вероятность того, что смысл и значение, приписываемые клыкам красного оленя различными мезолитическими сообществами, были «перенесены» в этом региональном контексте на зубы карпа. Тот факт, что часть тела водного обитателя (рыбы) была избрана как источник декоративного материала сообществами, жившими вдоль берегов большой реки, неудивителен. Но обращает на себя внимание тот факт, что в каком-то смысле зубы карпа представляются напоминающими по форме клыки красного оленя и выглядят примерно так же, будучи пришиты к деталям одежды. Кроме того, анатомическое расположение как клыков, так и зубов в теле животного (тот факт, что они «спрятаны»), т.е. невидимость этих деталей до того как тело препарировано, также было «нагружено» определёным [психологическим] значением. Загадка, касающаяся распространения украшений такого типа становится ещё более интересной благодаря существованию комплекса стоянок в южной Германии, в верхнем течении Дуная, где также найдены зубы карпа, использованные в качестве украшения, хотя и в меньшем количестве чем в районе дунайских порогов.

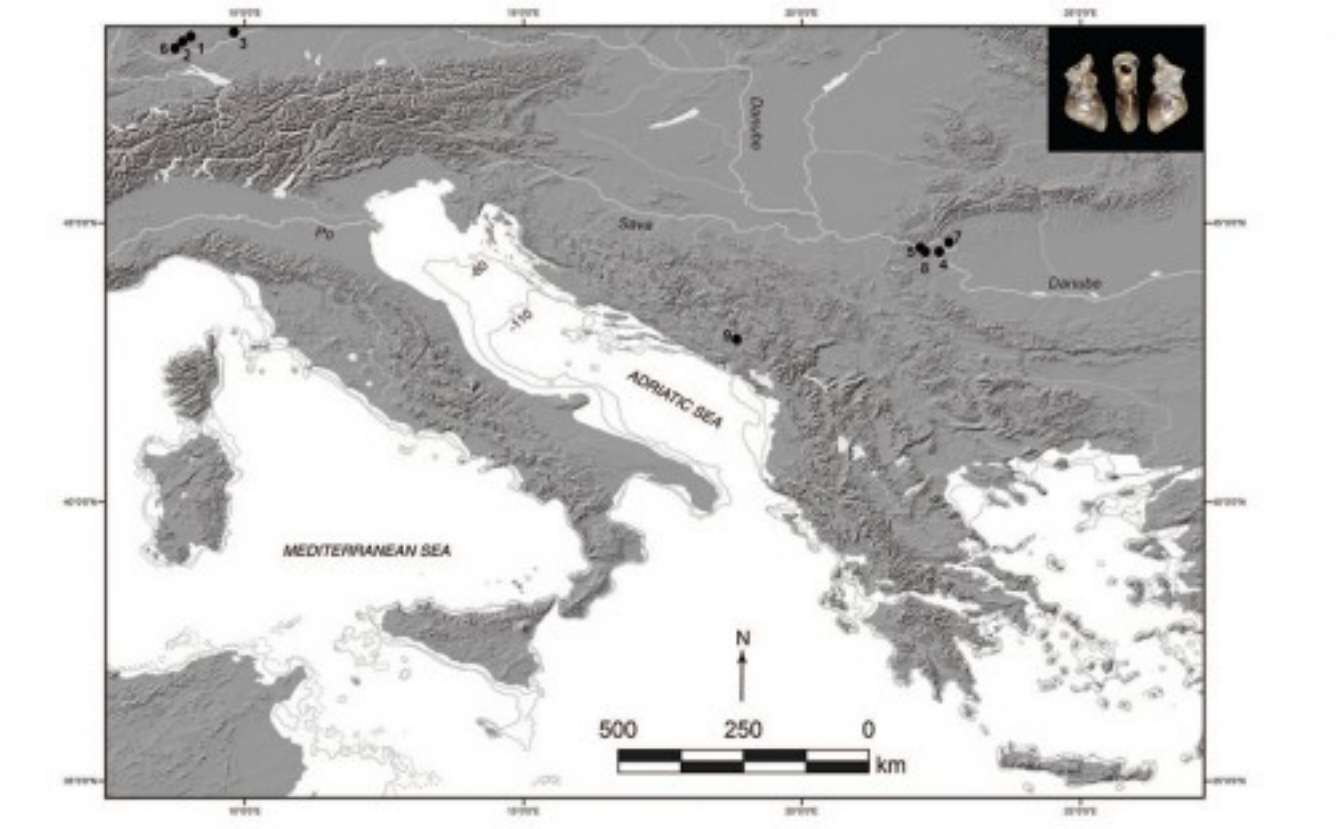

Рисунок 14. Карта, показывающая распределение позднемезолитических стоянок с декоративными бусинами из глоточных

зубов карпа на Балканах и в районе дунайских порогов. Батиметрические контуры показывают понижение уровня моря на 110 метров на пике последнего оледенения и на 60 метров к концу плейстоцена.

О находках такого типа украшений сообщалось на стоянках Бургхолле фон Дитфурт (Burghöhle von Dietfurt) (Баден-Вюртемберг, Германия), Фалькенштайн Холле (Falkenstein Höhle) (Бавария, Германия), Пробстфельс Probstfels (Баден-Вюртемберг, Германия), и Холленштайн-Штадель (Hohlenstein-Stadel) (Баден-Вюртемберг, Германия) (Rigaud, 2011; Rigaud et al . 2014; см. также Rähle 1978; Völzing 1938; Wetzel 1938) (Рисунок 14) .

На стоянке Холленштайн-Штадель (Hohlenstein-Stadel) такого рода украшения были связаны с вторичными погребениями, содержащими несколько расчленённых черепов и могли являться частью украшения причёски покойных, которые, возможно, умерли насильственной смертью.

Стоит отметить, что признаки использования и остаточные следы в обоих регионах указывают на то, что техника прикрепления [бусин] могла быть сходной невзирая на различные технологические приёмы, использованные для создания отверстий (Cristiani et al . 2014b). Расстояние между этими двумя местностями составляет около 1000 километров по прямой и значительно больше, если передвигаться вдоль течения Дуная. Более того, [на данный момент] не известно других мезолитических стоянок, содержащих украшения из зубов карпа и расположенных между этими двумя регионами.

И наконец, существующие датировки позволяют предположить, что использование такого рода украшений в двух регионах относится к одному историческому периоду. Картина, представляющая распространение украшений из зубов карпа, дополнительно осложнена существованием двух удалённых регионов, в которых также были найдены такого рода украшения. Во-первых, это пещера со стоянкой Замил-Коба (Zamil-Koba) на полуострове Крым — два украшения из обработанных карповых зубов были найдены в захоронении черепов, в яме 62 сантиметров в диаметре и 30 сантиметров глубиной. Также в яме находились дополнительно затылочные кости людей или животных, угольные и кремнёвые артефакты, указывающие на мезолитический контекст (Kraynov 1940, 14) (Рисунки 12, 14). К сожалению, обстоятельства этой находки не были описаны детально, так что мы не можем быть уверены в соответствии по времени её и других находок, где также присутствует мезолитический контекст (сравн. Biagi/Kiosk 2010). На опубликованном рисунке одного использованного для украшения зуба карпа видно, что он имеет форму глоточного зуба и явно отпилен у корня (Kraynov 1940, 23, T . V, 4 – 5), изменения привнесены такие же как в случае зубов, найденных у дунайских порогов. Это предполагает общую для [мастеров] технологию, если не прямой контакт между населением этих регионов. Эта стоянка находится более чем в 900 километрах (по прямой) от дунайских порогов и ещё дальше от областей в верхнем течении Дуная. Можно представить себе возможные контакты вдоль нижнего течения Дуная и далее вдоль северо-восточного побережья Чёрного моря. Ранее высказывалось предположение о возможных связях между производством кремнёвых орудий в раннем голоцене и прибрежными стоянками на Чёрном море в рамках комплекса Куина Торкулли – Белолесье – Шан-Коба (Radovanović 1981; Kozłowski 1989).

Вторым примером являются мезолитические слои стоянки в пещере Врбичка (Vrbička Cave) в северной Черногории (Рисунки 12, 14). Здесь была найдена только одна обработанная декоративная бусина из зуба карпа. Обработка на уровне корня [зуба] идентична той, которой подверглись карповые зубы в области дунайских порогов и могут снова указывать на прямые контакты между двумя регионами, которые разнесены приблизительно на 400 километров. Бусина найдена в позднемезолитическом слое пещеры, находка в настоящее время датируется (с помощью AMS-метода) 9-м тысячелетием до наших дней (Cristiani 2014), что позволяет считать эту находку в широком смысле современной периоду появления украшений из зубов карпа в области дунайских порогов. Два последних примера показывают, что в мезолите на Балканах даже «неэкзотические» бусины перемещались на очень большие расстояния, с охватом территории, далеко выходящей за пределы территорий связанных между собою региональных сообществ. В этом контексте становится совершенно ясно, что декоративные бусины несли двойную смысловую нагрузку как символические предметы и движимая материальная ценность. Декоративные бусы закрепляли взаимоотношения как на индивидуальном, так и на групповом уровне, помогая поддерживать социальные связи и сохранять общую социальную систему, связывающую далеко друг от друга расположенные сообщества [позволяющую далеко разнесённым территориально племенам знать о существовании друг друга] (сравн. Gamble 2007; 2013). Рассказы, которые «путешествовали» наряду с материальными объектами, также должны были связать мифические реалии в сложную сеть на качественно новом уровне, сходную с тем, что описывается структурным анализом мифических мотивов между соседствующими группами, подчиняющуюся законам инверсии и симметрии (cf . Lévi-Strauss 1987; 1995).

Обсуждение и выводы

«Региональность не «записана» напрямую в каких-либо археологических данных. Прежде чем её воспринимать или измерять, её необходимо представить себе» (Wobst 2000, 221). Уоллон (Whallon 2006) предложил эвристическую модель пространственной организации [сообществ] охотников-собирателей в соответствии с предположительно шестиугольной

схемой организации территориальных объединений. Это идеальная модель для равномерной плоскости, (сравн. Haggett 1965). По его наблюдению, можно предполагать искажение идеальных шестиугольных, территорий в соответствии с географическими особенностями и топографией [местности] (Whallon 2006, 266). Основываясь на обзоре этнографических свидетельств и изучении археологических данных по собирателям позднего плейстоцена и раннего голоцена в центральной и западной Европе (напр, Eriksen 2002; Floss 1994; 2014), эта модель предполагает три основных радиуса мобильности людей:

Радиус менее 200 километров: перемещение сырья для кремнёвых орудий (в основном до 130 километров)

Радиус от 200 до 300 километров, в пределах которого происходили социальные взаимодействия и обмен подарками

Радиус более 300 километров включал в себя церемониальные и ритуальные обмены, (например, циркуляцию раковин как личных украшений и прочую «экзотику»)

Эти три типа человеческой мобильности далее соотносятся с тремя типами объединений людей в рамках собирательского общества с соответствующей оценкой размера территории (Рисунок 15)

— Минимальная группа (25-30 человек, [область] радиусом 28 километров, 2500 квадратных километров)

— максимальная территория, занятая объединением племён, состоящая из семи (175-210 человек) или 19 (475-570) минимальных групп, [область] радиусом 123 километра, площадь 47.500 квадратных километров

Территория, занятая смежными племенными объединениями (радиус 325 километров, площадь 332.500 квадратных километров).

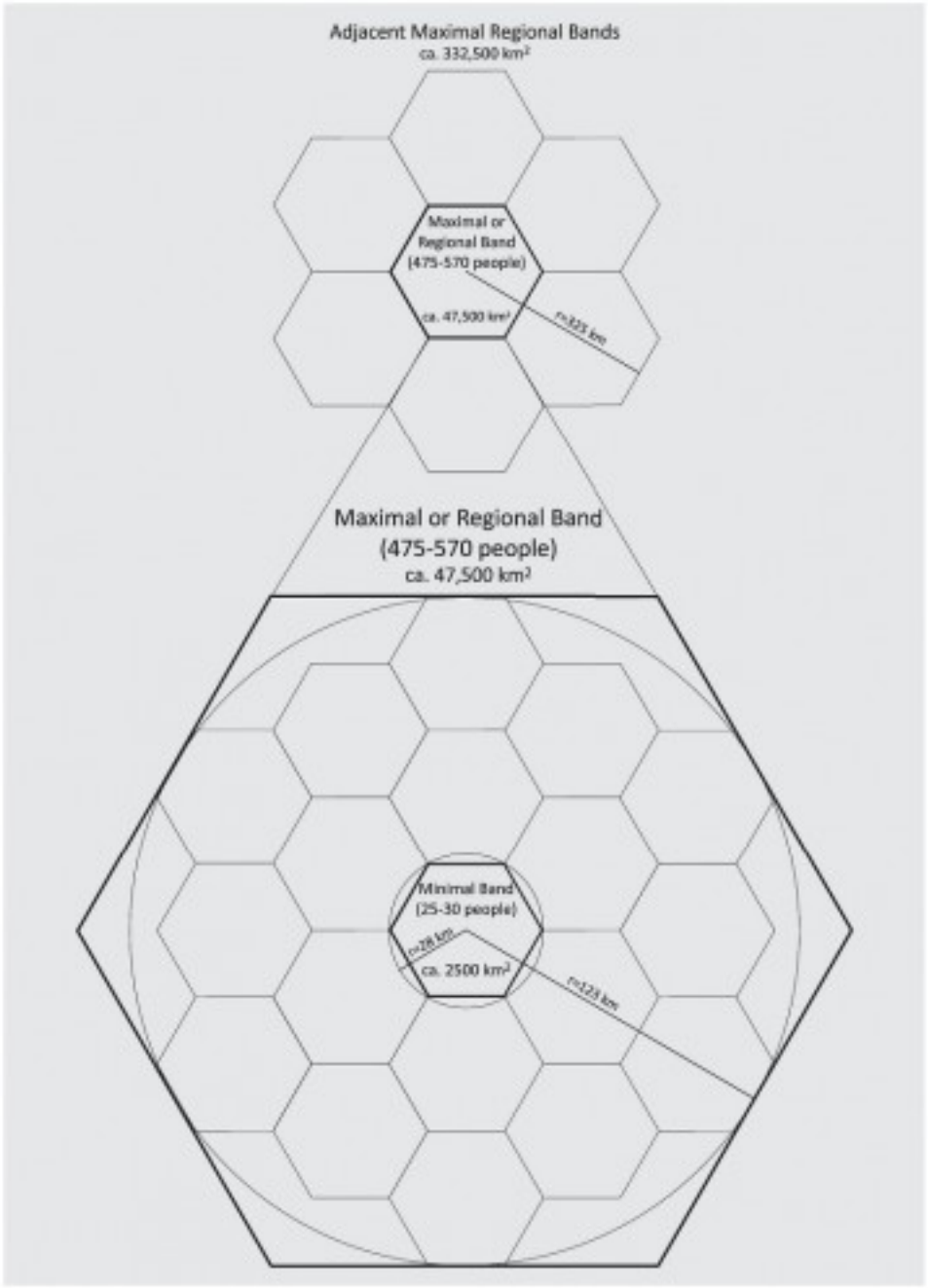

Рисунок 15. Эвристическая модель пространственной организации племён охотников/собирателей и их территорий; шестиугольная организация пространственных объединений на плоскости идевльной равнины (по Whallon 2006, Рисунок 4).

С опорой на эту основную модель пространственной организации групп собирателей на рисунке 16 предложена модель пространственной организации верхнепалеолитических и мезолитических охотников/собирателей на Балканах и в Италии с шестиугольной конфигурацией [территорий] максимальных [по размеру] племён или региональных племенных объединений, предположительный радиус территории каждой группы – около 125 километров.

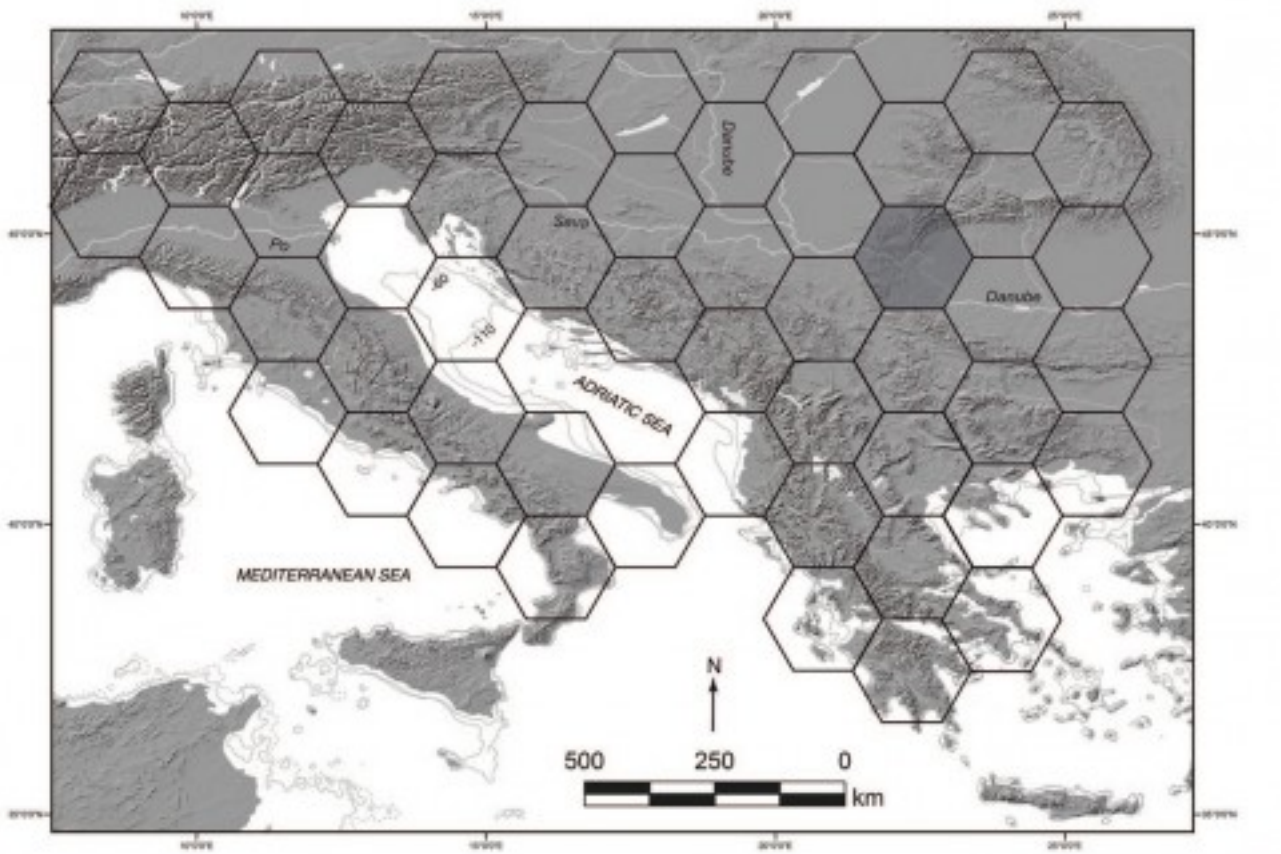

Рисунок 16. Идеальная эвристическая модель пространственной организации охотников/собирателей в раннедоисторический период на Балканах и в Италии с шестиугольной конфигурацией [территорий] максимальных [по размеру] племён или региональных племенных объединений, предположительный радиус территории каждой группы – около 125 километров. Отправной точкой для распределения пространственной организации концентрированных групп в реальном пространстве являются документированные свидетельства о случаях длительного существования концентрированных групп людей в области дунайских порогов (заштриховано тёмным). Батиметрические контуры показывают понижение уровня моря на 110 метров на пике последнего оледенения и на 60 метров к концу плейстоцена.

Отправной точкой для данного распределения пространственной организации концентрированных групп собирателей на реальном географическом пространстве являются документированные свидетельства о случаях длительного проживания концентрированных групп людей в области дунайских порогов. На Балканах мы имеем наилучший документированный пример расширения предположительной территории племени или максимального [по размеру] местного объединения племён.

В то время как такого рода теоретическое построение должно оставаться в высшей степени предварительным и допускать вариации в организации пространственных объединений, на которые должны были повлиять географические рамки, накладывающие ограничения как на собственно группы людей так и на ресурсы, оно, тем не менее, используется для создания эвристической модели, которая может помочь нам:

1. Лучше представить себе структуру различных пространственных объединений и взаимоотношения между ними, которые сформировали сеть социальных взаимодействий между собирателями в данном регионе
2. Сфокусировать наши усилия, направленные на эмпирическое исследование, на проверке теоретического предположения, касающегося пространственной организации групп собирателей.

При этом, по утверждению Бёрдселла (1968, 232), на племенные территории не влияли эффективность технологий или плотность населения. Он утверждает, что «размер диалектических племенных объединений нечувствителен к региональным изменениям климата и биотических (экологических) факторов. Основными детерминантами являются речевая компетентность и подвижность». Существует предположение, что системы социальных связей охотников/собирателей, создававшиеся ради обмена сырьём неместного происхождения, были в основном ограничены расстоянием в 125-130 километров, оставаясь в пределах предположительных шестиугольных территориальных границ максимальных по размеру племенных объединений, в то время как расстояния, на которые перемещались используемые для украшений раковины и другие символически значимые предметы, часто захватывали территории смежных племенных объединений от 200 до 800 километров, способствуя, таким образом [установлению и поддержанию] дистанцированных связей (Whallon 2006). Имеются свидетельства дальних контактов на расстоянии более 1000 километров в период верхнего палеолита и мезолита в Юго-Восточной Европе за пределы смежных племенных объединений. Это могло быть частью перемещений [людей], которые сделали возможным распространение определённых технологических новшеств, связанных с изготовлением орудий, таких как

черешковый наконечник и другие типы инструментов. В то же время, распространение «неутилитарных», символически значимых предметов или идей, таких как геометрические мотивы и украшения, возможно наряду с мифологическими сказаниями, также очевидны с учётом современных данных. Элементы символических репертуаров и осей взаимодействия могли быть установлены в ходе позднего палеолита, если не раньше, и оставались неизменными в течение всего голоцена. Перемещения сырья для изготовления кремнёвых орудий в мезолите были, вероятно, ограничены рамками территорий максимальных по размеру племенных объединений. Существуют лишь редкие примеры перемещения обсидиана из Карпатских гор в район дунайских порогов в ходе эпиграветтского (Băile Herculane, Cuina Turcului: Dinan 1996a; 1996b), а также раннего и среднего мезолита (Padina: Radovanović 1981). Но в будущем требуется дальнейшая работа для лучшего понимания перемещения редкого [нетипичного для данной местности] каменного сырья. Современные данные позволяют предположить, что имели место прерывания процесса взаимодействия между Балканами и Италией в начале голоцена, когда серьёзные изменения окружающей среды с последующим затоплением Великой Адриатической равнины и рост лиственных лесов могли частично закрыть определённые маршруты коммуникации, сделав сообщества собирателей относительно изолированными в рамках территории своего регионального племенного объединения. Это могло найти своё отражение как в отсутствии «экзотических» украшений на стоянках во внутренних районах в ходе раннего и среднего мезолита так и в использовании преимущественно местного, легкодоступного сырья для изготовления кремнёвых орудий. Тем не менее, в настоящее время это остается лишь временной версией, основанной на относительно ограниченном количестве фактических данных. Интересно, что противоположная тенденция к циркуляции «экзотических» раковин отмечена в юго-западной Германии, с ростом изобилия подобных предметов в раннем мезолите по сравнению с началом верхнего палеолита (Eriksen 2002; Whallon 2006, 268) . На Балканах, похоже, существенные изменения имели место с начала позднего мезолита до конца 10 тысячелетия до н.э. В то время как паттерны эксплуатации местного, доступного каменного сырья не изменялись в ходе более ранних фаз мезолита, декоративные бусины изготовленные из местного сырья как на побережье так и во внутренних районах, содержащих стоянки собирателей, распространяются на большие расстояния в ходе 9 тысячелетия до н.э. Некоторые морские раковины, такие как C. neritea, которые были излюбленным материалом для изготовления украшений в эпиграветтский период, снова начинают путешествовать на большие расстояния между прибрежными и материковыми сообществами собирателей, что подтверждается находками в позднемезолитических погребениях во Власаке (Vlasac) в районе дунайских порогов. Повторное появление бусин из C. neritea указывает на долгосрочную продолжительность орнаментальных традиций, которая может быть связана с мифологическими сказаниями, способными усилить значимость и силу культурных символов. Так или иначе, раковины определённых морских брюхоногих моллюсков, таких как C. rustica, которые лишь спорадически появлялись в виде декоративных бусин в верхнем палеолите, теперь становятся доминирующими и широко распространёнными.

В позднем мезолите в обиход вошли новые типы декоративных бусин, таких как украшения, изготовленные из глоточных зубов карпа. Притом, что вполне вероятно, что этот тип нововведения в области изготовления декоративных бусин впервые появился в одной из областей, расположенных вдоль течения Дуная, достаточно трудно предположить точное место их первого появления, поскольку как в верхнем, так и в нижнем течении Дуная такого рода бусины появились, в широком смысле, одновременно. Так или иначе, судя по сходству техник сверления корневой части зуба, видных на образцах из района дунайских порогов, Черногории и Крыма, а также по изобилию таких бусин в районе дунайских порогов, представляется весьма вероятным, что местом происхождения украшений из зубов карпа (найденных в Черногории и Крыму) была именно область дунайских порогов. Ранее изложенные примеры имели своей целью показать тот потенциал для изучения верхнепалеолитических и мезолитических собирательских сообществ на Балканах и в Италии, который открывается при рассмотрении фактов в парадигме системы социальных взаимодействий. Мы считаем, что следует предполагать существенную мобильность [людей того периода], охватывающую большие расстояния, на которую не влияли возможные диахронические колебания и прерывания [процесса взаимодействия], вызванные климатическими и природными изменениями. Представляется, что оси коммуникации за пределами территорий, занимаемых большими племенными объединениями, поддерживались в течение значительных промежутков времени, с возобновлением или изменением типа надрегиональных контактов между группами собирателей. Свидетельства этих контактов удостоверяют значимость «слабых связей» для замкнутых, в основном, на себе небольших обществ. В ходе 9 тысячелетия до н.э., если не раньше, такой живой мир контактов собирателей, с преодолением больших расстояний, охватывающий Юго-Восточную Европу, Италию и территории за их пределами, мог также включать в себя те территории Анатолии, на которых уже сформировались первые земледельческие общины неолита. Во второй половине [этого] тысячелетия определённые аспекты таких перемещений могли повлиять на социальные и культурные практики собирателей Юго-Восточной Европы, как это было ранее доказано в случае собирателей, населявших область дунайских порогов (Borić 2007; Borić/Stefanović 2004) и побережье Эгейского моря (Reingruber 2011). Основываясь на свидетельствах, полученных в первом из двух этих регионов, мы можем утверждать, что в последние два столетия 9-го тысячелетия до н.э. имел место отчётливый отход от прежде распространённых художественных предпочтений и вкусов в пользу определённых «экзотических» украшений, таких как бусы из C. neritea и C. rustica. И, хотя бусины из зубов карпа по-прежнему использовались в течение этого переходного периода, типичные для неолита дисковидные и бочкообразные бусины, изготовленные из Spondylus, а также из песчаника или другого камня, оказываются доминирующими в захоронениях в Лепенски Вир (Lepenski Vir) и Власак (Vlasac) burials (Borić 2011; Borić/Price 2013; Borić et al. 2014b; cf. Rigaud et al. 2015).

Такой выбор украшений, помимо других имеющихся свидетельств, отражает фундаментальные изменения в ранее существовавшей системе социальных связей в собирательском обществе более широкого региона. Наша способность

реконструировать и анализировать те системы социальных связей, которые были характерны для общества собирателей, равно как и первые пастушеско-земледельческие сообщества, делая заключения о функционировании «слабых связей» между различными небольшими сообществами, замкнутыми, в основном, на себе – всё это остаётся интересной и многообещающей темой для дальнейших исследований в этом и других региональных контекстах.

Литература:

Aiello/Dunbar 1993: L .C .Aiello/R .I .M .Dunbar, Neocortex Size, Group Size, and the Evolution of Language .Current Anthropology 34 .2, 1993, 184– 193 .

Aiello/Wheeler 1995: L .Aiello/P .Wheeler, The Expensive-Tissue Hypothesis .The Brain and the Digestive System in Human and Primate Evolution .Current Anthropology 36 .2, 1995, 199– 221 .

Alley et al. 2005: R .B .Alley/P .U .Clark/Ph .Huybrechts/I .Joughin, Ice-Sheet and Sea-Level Changes .Science 310, 2005, 456– 460 .

Apicella et al. 2012: C .Apicella/F .W .Marlowe/J .H .Fowler/N .A .Christakis, Social Networks and Cooperation in Hunter-Gatherers .Nature 481, 2012, 497– 501 .

Arrighi et al. 2008: S. Arrighi/V. Borgia/F. d'Errico/A. Ronchitelli, I ciottoli decorati di Paglicci. Raffigurazioni e utilizzo .Rivista di Scienze Preistoriche 58, 2008, 39– 58 .

Arrighi et al. 2012: S .Arrighi/V .Borgia/F .d'Errico/S .Ricci/A .Ronchitelli, Manifestazioni d'arte inedite e analisi tecnologica dell'arte mobiliare di Grotta Paglicci (Rignano Garganico – Foggia) .Preistoria Alpina, 46 .1, 2012, 49– 58 .

*Bailey/Gamble*1990: G .Bailey/C .Gamble, The Balkans at 18,000 BP .The View from Epirus .In: C . S . Gamble/O .Soffer (eds .), The World at 18,000 BP: 1 .High Altitudes (London 1990) 148– 167 .

Balbo 2008: A .L .Balbo, Human Adaptation to Mediterranean Wetlands .The Geoarchaeology of Polje Ćepić (Istria, Croatia) in the Late Pleistocene and Holocene (Saarbrücken 2008).

Baltean 2011: I. C. Baltean, The Palaeolithic in Banat. In: N. Tasić/F. Drașovean (eds.), The Prehistory of Banat (Bucharest 2011) 21– 76 .

Barra Incardona 1969: A .Barra Incardona, Le nuove ricerche nelle cavernette e nei ripari dell'agro Falisco. Atti della Società Toscana de Scienze Naturali di Pisa 76, 1969, 102– 124.

Benazzi et al. 2011: S .Benazzi/K .Douka/C .Fornai/C .C .Bauer/O .Kullmer/J .Svoboda/I .Pap/F .Mallegni/P . Bayle/M .Coquerelle/S .Condemi/A .Ronchitelli/K .Harvati/G .W .Weber, Early Dispersal of Modern Humans in Europe and Implications for Neanderthal Behaviour .Nature 479, 2011, 525– 528 .

Bettinger 1995: R. L. Bettinger, Hunter-Gatherers. Archaeological and Evolutionary Theory (New York 1995) .

Biagi/Kiosk 2010: P .Biagi/D .Kiosk,The Mesolithic of the Northwestern Pontic Region .New AMS Dates for the Origin and Spread of the Blade and Trapeze Industries in Southeastern Europe .Eurasia Antiqua 16, 2010, 21– 41 .

Bietti 1979: A .Bietti, Le gisement paléolithique supérieur de Taurisano (Lecce, Italie) et sa position chronologique et culturelle dans l'Epigravettien italien. In: D. de Sonneville Bordes (ed.), La Fin de Temps Glaciaires en Europe (Paris 1979) 333– 344 .

Bietti/Cancellieri 2007: A .Bietti/E .Cancellieri, New Data from the Late Upper Palaeolithic Site of Fondo Focone (Ugento, Southern Apulia, Italy) .The Lithic Industry of the B Trench .In: R .Whallon (ed .), Late Paleolithic Environments and Cultural Relations around the Adriatic .BAR International Series 1716 (Oxford 2007) 1– 14 .

Binford 1980: L .R .Binford, Willow Smoke and Dogs' Tails .Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation .American Antiquity 45, 1980, 4– 20 .

Binford 2006: I. Binford, Bands as Characteristic of 'Mobile Hunter-Gatherers' May Exist Only in the History of Anthropology. In: F. Sellet/R. Greaves/ P.-L. Yu (eds.), Archaeology and Ethnoarchaeology of Mobility (Gainesville 2006) 3– 22 .

Birdsell 1973: J .B .Birdsell, A Basic Demographic Unit .Current Anthropology 14, 1973, 337– 356 .

Birdsell 1968: J .B .Birdsell, Some Predictions for the Pleistocene Based on Equilibrium Systems Among Recent Hunter-Gatherers .In: R .Lee/I .DeVore (eds .), Man the Hunter (Chicago 1968) 229– 240 .

Bogićević/Dimitrijević 2004: K. Bogićević/V. Dimitrijević, Quaternary Fauna from Mališina Stijena Near Pljevlja (Monetenegro) .Zbornik radova Odbora za kras i speleologiju SANU 8, 2004, 119– 131 .

Bonsall 2008: C .Bonsall,The Mesolithic of the Iron Gates .In: G .N .Bailey/P .Spikins (eds .), Mesolithic Europe (Cambridge 2008) 238– 279 .

Bonsall et al. 2012: C. Bonsall/A. Boroneanţ/A. Soficaru/K. McSweeney/T. Higham/N. Miritoiu/C. Pickard/G. Cook, Interrelationship of Age and Diet in Romania's Oldest Human Burial .Naturwissenschaften 99, 2012, 321– 325 .

Bonsall et al. 2015: C. Bonsall/R. Vasić/A. Boroneanţ/M. Roksandić/A. Soficaru/K. McSweeney/A. Evatt/ Ü. Aguraiuja/C. Pickard/V. Dimitrijević/T. Higham/D. Hamilton/G. Cook, New AMS 14C Dates for Human Remains from Stone Age Sites in the Iron Gates Reach of the Danube, Southeast Europe .Radiocarbon 57 .1, 33– 46 .

Borgatti/Halgin 2011: S .P .Borgatti/D .S .Halgin, On Network Theory .Organization Science 22 .5, 2011, 1168– 1181 .

Borić 2007: D. Borić, The House between Grand Narratives and Microhistories. A House Society in the Balkans .In: R .A .Beck Jr .(ed .), The Durable House .House Society Models in Archaeology .Center For Archaeological Investigations, Occasional Paper 35 (Carbondale 2007) 97– 129 .

Borić 2011: D. Borić, Adaptations and Transformations of the Danube Gorges Foragers (c. 13,000– 5500 cal. BC) .An Overview .In: R .Krauss (ed .), Beginnings – New Research in the Appearance of the Neolithic Social Networks and Connectivity among the Palaeolithic and Mesolithic Foragers between Northwest Anatolia and the Carpathian Basin .Papers of the International Workshop 8th– 9th April 2009, Istanbul .Menschen – Kulturen – Traditionen 1 (Rahden/Westfalen 2011) 157– 203 .

Borić/Price 2013: D. Borić/T. D. Price, Strontium Isotopes Document Greater Human Mobility at the Start of the Balkan Neolithic .Proceedings of the National Academy of Sciences 110 .9, 2013, 3298– 3303 .

Borić/Stefanović 2004: D. Borić/S. Stefanović, Birth and Death. Infant Burials from Vlasac and Lepenski Vir .Antiquity 78 .301, 2004, 526– 546 .

Borić et al. 2012: D. Borić/V. Dimitrijević/D. White/C. Lane/C. A. I. French/E. Cristiani, Early Modern Human Settling of the 'Danube Corridor'. The Middle to Upper Palaeolithic Site of Tabula Traiana Cave in the Danube Gorges (Serbia) .Antiquity, 86 .334, 2012 (http://www .antiquity .ac .uk/projgall/boric334/) .

Borić et al. 2014a: D. Borić/E. Cristiani/Z. Vušović-Lučić/N. Borovinić/D. Mihailović, LGM Marmot Hunting at Vrbička Cave in the Dinaric Alps. Poster Presented at the Conference 'Where the Wild Things Are', University of Durham, January 8th to 9th, 2014 .

Borić et al. 2014b: D. Borić/C. A. I. French/S. Stefanović/V. Dimitrijević/E. Cristiani/M. Gurova/D. Antonović/ E. A. Allué/D. Filipović, Late Mesolithic Lifeways and Deathways at Vlasac (Serbia). Journal of Field Archaeology 39 .1, 2014, 4– 31 .

Boroneanţ 1990: V. Boroneanţ, Les enterrements de Schela Cladovei. Nouvelles données. In: P . Vermeersch/P .V .Van Peer (eds .), Contributions to the Mesolithic in Europe (Leuven 1990) 121– 125 .

Boschian/Ucelli Gnesutta 1995: G .Boschian/P .Ucelli Gnesutta, Osservazioni geo-arceologiche sui livelli pleolitici dell Grotta delle Settecannelle (ischia di Castro, VT) .Preistoria e Protostoria in Etruria .Atti del II Incontro studi (Milano 1995) 45– 51 .

Brodar/Osole 1979: M .Brodar/F .Osole, Paleolitske i mezolitske regije i kulture u Sloveniji .In: A .Benac (ed .), Praistorija jugoslavenskih zemalja .Paleolitsko i mezolitsko doba: 1 (Sarajevo 1979) 159– 194 .

Broglio/Kozłowski 1987: A. Broglio/J. K. Kozłowski, Il paleolitico. Uomo, ambiente e culture (Milano 1987).

Broglio et al. 1993: A .Broglio/G .Chelidonio/L .Longo, Analyse morphologique et fonctionnelle des pointes à cran de l'Épigravettien ancien. In: P. C. Anderson/S. Beyries/M. Otte/H. Plisson (eds.), Traces et fonction .Les gestes retrouvés .Eraul 50 (Liège 1993) 31– 39 .

Bronk Ramsey et al. 2013: C .Bronk Ramsey/M .Scott/H .van der Plicht, Calibration for Archaeological and Environmental Terrestrial Samples in the Time Range 26– 50 ka cal BP .Radiocarbon 55 .4, 2013, 2021– 2027 .

Cancellieri 2010: E .Cancellieri, From the Watershed to the Great Adriatic Plain .An Investigation on Human and Landscape Ecology during the Late Upper Paleolithic. The Significance of Lithic Technology (Unpublished PhD thesis, University of Ferrara 2010) .

Cardini 1980: L .Cardini, La necropoli mesolitica delle Arene Candide .Memorie Istituto Italiano di Paleontologia Umana 3, 1980, 9– 31 .

Chirica 1999: V. Chirica, Influences circum-méditerranéens dan l'épipaléolithique du sud-est de la Romanie .In: D .Sacchi (ed .), Les faciès leptolithiques du nord-ouest méditerranéen: milieux naturels et culturels .Paris: Société Préhistorique Française, XXIVème Congrès Préhistorique de France (Carcassonne 1999) 79– 89 .

Conard/Bolus 2003: N .J .Conard/M .Bolus, Radiocarbon Dating the Appearance of Modern Humans and Timing of Cultural Innovations in Europe .New Results and New Challenges .Journal of Human Evolution 44, 2003, 331– 371 .

Coward 2010: F .Coward, Small Worlds, Material Culture and Ancient Near Eastern Social Networks .In: R .Dunbar/C .Gamble/J .A .J .Gowlett (eds .), Social Brain and Distributed Mind (Oxford 2010) 449– 479 .

Coward 2013: F .Coward, Grounding the Net .Networks, Environments and Material Culture in the Epipalaeolithic and Early Neolithic of the Near East .In: K .Knappett (ed .), Network Analysis in Archaeology . New Approaches to Regional Interaction (Oxford 2013) 247– 280 .

Cristiani 2012: E .Cristiani, Ornamental Traditions of the Late Pleistocene and Early Holocene Foragers in the Eastern Alps .The Case of Riparo Biarzo .Gortania 34, 2012, 89– 102 .

Cristiani 2013: E .Cristiani, Prehistoric Foragers of Montenegro .Archaeology at Cambridge 2011– 2012, 27 .

Cristiani 2014: E .Cristiani, Late Pleistocene and Early Holocene Foragers of Montenegro .Archaeology at Cambridge 2012– 2013, 41 .

Cristiani/Borić 2012: E. Cristiani/D. Borić, 8500-Year-Old Garment Embroidery from the Late Mesolithic Site of Vlasac (Serbia) .Technological, Use-Wear and Residue Analyses .Journal of Archaeological Science 39, 2012, 3450– 3469 .

Cristiani et al. 2014a: E .Cristiani/R .Farbstein/P .Miracle, Late Pleistocene and Early Holocene Personal Ornaments from the Eastern Adriatic .The Evidence from Vela Spila (Croatia) .Journal of Anthropological Archaeology 36, 2014, 21– 31 .

Cristiani et al. 2014b: E. Cristiani/I. Živaljević/D. Borić, Residue Analysis and Ornament Suspension Techniques in Prehistory .Cyprinid Pharyngeal Teeth Beads from Late Mesolithic Burials at Vlasac (Serbia) .Journal of Archaeological Science 46, 2014, 292– 310 .

Cullen 1995: T .Cullen, Mesolithic Mortuary Ritual at Franchthi Cave, Greece .Antiquity 69, 1995, 270– 289 .

Darlas/Mihailović 2008: A. Darlas/D. Mihailović (eds.), The Palaeolithic of the Balkans. BAR International Series 1819 (Oxford 2008) .

Davies 2012: W. Davies, Climate, Creativity and Competition. Evaluating the Neanderthal 'Glass Ceiling'. In: S .Elias (ed .), Origins of Human Innovation and Creativity (Amsterdam 2012) 103– 128 .

Descola 2013: Ph .Descola, The Ecology of Others (Chicago 2013) .

Dinan 1996a: E .H .Dinan, A Preliminary Report on the Lithic Assemblages from the Early Holocene Level at the Iron Gates Site of Băile Herculane. Mesolithic Miscellany 17.2, 1996, 15– 24.

Dinan 1996b: E .H .Dinan, Preliminary Lithic Analysis of the Epigravettian Levels from the Iron Gates Site of Cuina Turcului .Mesolithic Miscellany 17 .2, 1996, 25– 40 .

Douka et al. 2011: K .Douka/C .Perlès/H .Valladas/M .Vanhaeren/R .E .M .Hedges, Franchthi Cave Revisited . The Age of the Aurignacian in South-Eastern Europe .Antiquity 85 .330, 2011, 1131– 1150 .

Dunbar 1996: R .I .M .Dunbar, Grooming, Gossip and the Evolution of Language (London 1996) .

Eriksen 2002: B .V .Eriksen, Fossil Mollusks and Exotic Raw Materials in Late Glacial and Early Postglacial Find Contexts – a Complement to Lithic Studies .In: L .E .Fischer/B .V .Eriksen (eds .), Lithic Raw Material Economy in Late Glacial and Early

Postglacial Western Europe .BAR International Series 1093 (Oxford 2002) 27– 52 .

d'Errico/Vanhaeren 2007: F .d'Errico/M .Vanhaeren, Evolution or Revolution? New Evidence for the Origin of Symbolic Behaviour In and Out of Africa .In: P .Mellars (ed .), Rethinking the Human Revolution . New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans (Cambridge 2007) 275– 286 .

Farbstein et al. 2012: B. Farbstein/D. Radić/D. Brajković/P. Miracle, First Epigravettian Ceramic Figurines from Europe (Vela Spila, Croatia) .PLOS ONE 7 .7, 2012, 1– 15 .

Fiocchi 1997: C .Fiocchi, Le conchiglie marine provenienti dalla Grotta di Fumane (Monti Lessini-Verona) .Atti dell'lstituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti 155, 1996/1997, 1– 22 .

Floss 1994: H .Floss, Rohmaterialversorgung im Paläolithikum des Mittelrheingebietes .Monographien Römisch-Germanisches Zentralmuseum zu Mainz, RGZM 21 (Bonn 1994) .

Floss 2014: H .Floss, Rivers as Orientation Axes for Migrations, Exchange Networks and Transmission of Cultural Traditions in the Upper Palaeolithic of Central Europe. In: M. Yamada/A. Ono (eds.), Lithic Raw Material Exploitation and Circulation in Préhistory .A Comparative Perspective in Diverse Palaeoenvironments .ERAUL 138 (Liège 2014) 11– 22 .

Foley/Lee 1996: R .A .Foley/P .C .Lee, Finite Social Space and the Evolution of Human Social Behaviour .In: J .Steele/S .Shennan (eds .), The Archaeology of Human Ancestry .Power, Sex and Tradition (London 1996) 47– 66 .

Gamble 1999: C .Gamble, The Palaeolithic Societies of Europe (Cambridge 1999) .

Gamble 2007: C .Gamble, Origins and Revolutions (Cambridge 2007) .

Gamble 2012: C .Gamble, Creativity and Complex Society before the Upper Palaeolithic Transition .In: S . Elias (ed .), Origins of Human Innovation and Creativity (Amsterdam 2012) 15– 21 .

Gamble 2013: C .Gamble, Settling the Earth .The Archaeology of Deep Human History (Cambridge 2013) .

Gamble et al. 2011: C .Gamble/J .Gowlett/R .Dunbar,The Social Brain and the Shape of the Palaeolithic . Cambridge Archaeological Journal 21, 2011, 115– 135 .

Giacobini 2006: G .Giacobini, Les sépultures du Paléolithique supérieur .La documentation italienne . C . R . Palevol 5, 2006, 169– 176 .

Graziosi 1973: P .Graziosi, L'arte preistorica in Italia (Firenze 1973) .

Grifoni Cremonesi 1998: R .Grifoni Cremonesi, Alcune osservazioni sul rituale funeario del paleolitico superior della Grotta Continenza .Rivista di Scienze Preistoriche 49, 1998, 395– 407 .

Guadelli et al. 2005: J .L .Guadelli/N .Sirakov/St .Ivanova/Sv .Sirakov/E .Anastassova/P . Courtaud/ I . Dimitrova/N .Djabarska/Ph .Fernandez/C .Ferrier/M .Fontugne/D .Gambier/A .Guadelli/ D . Iordanova/N .Iordanova/M .Kovatcheva/I .Krumov/J .-Cl .Leblanc/J .-B .Mallye/M .Marinska/V . Miteva/V .Popov/R .Spassov/St .Taneva/N .Tisterat-Laborde/Ts .Tsanova, Une sequence du Paleolithique Inferieur au Paleolithique Recent dans les Balkans .La grotte Kozarnika a orechets (nordouest de la Bulgarie) .In: N .Molines/M .-H .Moncel/J .-L .Monnier (eds .), Les Premiers Peuplements en Europe .BAR International Series 1364 (Oxford 2005) 87– 103 .

Gurioli 2006: F .Gurioli, Il trattamento delle materie dure animali nel Paleolitico superiore dell'Italia nord-orientale .Sfruttamento a fini alimentari, tecnologici e simbolici (Unpublished PhD thesis, Scienze Antropologiche, Consorzio Universitario di Bologna-Ferrara-Parma 2006) .

Haggett 1965: P .Haggett, Locational Analysis in Human Geography (London 1965) .

Heffley 1981: S. Heffley, The Relationship between Northern Athapaskan Settlement Patterns and Resource Distribution .An Application of Horn's Model .In: B .Winterhalder/E .A .Smith (eds .), Hunter-Gatherer Foraging Strategies .Ethnographic and Archaeological Analyses (Chicago 1981) 126– 147 .

Henry-Gambier et al. 2001: D. Henry-Gambier/M. Courty/É Crubézy/B. Kervazo, La sépulture des enfants de Grimaldi (Baoussé-Roussé, Italie) .Anthropologie et Palethnologie funéraire des populations de la fin du Paléolithique supérieur (Paris 2001).

Higham et al. 2006: T. Higham/C. Bronk Ramsey/I. Karavanić/F. H. Smith/E. Trinkaus, Revised Direct Radiocarbon Dating of the Vindija G1 Upper Paleolithic Neandertals .Proceedings of the National Academy of Sciences 103 .3, 2006, 553– 557 .

Higham et al. 2009: T .Higham/F .Brock/M .Peresani/A .Broglio/R .Wood/K .Douka, Problems with Radiocarbon Dating the Middle to Upper Palaeolithic Transition in Italy .Quaternary Science Review 28, 2009, 1257– 1267 .

Higham et al. 2011: T .Higham/T .Compton/C .Stringer/R .Jacobi/B .Shapiro/E .Trinkaus/B .Chandler/ F . Gröning/C .Collins/S .Hillson/P .O'Higgins/C .FitzGerald/M .Fagan, The Earliest Evidence for Anatomically Modern Humans in Northwestern Europe .Nature 479, 2011, 521– 524 .

Higham et al. 2012: Th. Higham/L. Basell/R. Jacobi/R. Wood/C. Bronk Ramsey/N. J. Conard, Testing Models for the Beginnings of the Aurignacian and the Advent of Figurative Art and Music .The Radiocarbon Chronology of Geißenklösterle .Journal of Human Evolution 62, 2012, 664– 676 .

Jöris/Street 2008: O .Jöris/M .Street, At the End of the 14C Time Scale – the Middle to Upper Paleolithic Record of Western Eurasia .Journal of Human Evolution 55, 2008, 782– 802 .

Karavanić 2003: I. Karavanić, L'industrie aurignacienne de la grotte de Šandalja II (Istrie, Croatie) dans le context de la région de l'Est de l'Adriatique .L'Anthropologie 107, 2003, 577– 602 .

Kelly 1995: R .L .Kelly, The Foraging Spectrum .Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways (Washington 1995) .

Kelly 2013: R .Kelly, The Lifeways of Hunter-Gatherers .The Foraging Spectrum (Cambridge 2013) .

Knecht 1993: H .Knecht, Early Upper Paleolithic Approaches to Bone and Antler Projectile Technology .In: G .L .Peterkine/H .M .Bricker/P .Mellars (eds .), Hunting and Animal Exploitation in the Later Palaeolithic and Mesolithic of Eurasia .Archaeological Papers of the American Anthropological Association 4 (Washington 1993) 33– 47 .

Komšo 2006: D .Komšo,The Mesolithic in Croatia .Opuscula Archaeologica 30, 2006, 55– 91 .

Komšo/Vukosavljević 2011: D. Komšo/N. Vukosavljević, Connecting Coast and Inland. Perforated Marine and Freshwater Snail Shells in the Croatian Mesolithic .Quaternary International 244 .1, 2011, 117– 125 .

Kozłowski 1989: S. K. Kozłowski, A Survey of Early Holocene Cultures of the Western Part of the Russian Plain .In: C .Bonsall (ed .), The Mesolithic in Europe (Edinburgh 1989) 424– 441 .

Kozłowski 1994: J. Kozłowski, Le Paléolithique des Carpathes occidentales. Preistoria Alpina 28, 1994, 113– 126 .

Kozłowski 1999: J. K. Kozłowski, Gravettian/Epigravettian Sequences in the Balkans. Environment, Technologies, Hunting Strategies and Raw Material Procurement .In: G .N .Bailey/E .Adam/C .Perlès/E . Panagopoulou/K .Zachos (eds .), The Palaeolithic Archaeology of Greece and Adjacent Areas (London 1999) 319– 329 .

Kozłowski 2004: J. K. Kozłowski, Early Upper Palaeolithic Levallois-Derived Industries in the Balkans and in the Middle Danube Basin .Anthropologie 42 .3, 2004, 263– 280 .

Kozłowski 2007: J. Kozłowski, The Significance of Blade Technologies in the Period 50 – 35 kya BP for the Middle-Upper Palaeolithic Transition in Central Europe. In: P. Mellars/K. Boyle/O. Bar-Yosef/C. Stringer (eds .), Rethinking the Human Revolution .New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans (Cambridge 2007) 317– 328 .

Kozłowski 2008: J. Kozłowski, End of the Aurignacian and the Beginning of the Gravettian in the Balkans. In: A. Darlas/D. Mihailović (eds.), The Palaeolithic of the Balkans. BAR International Series 1819 (Oxford 2008) 3– 14 .

Kozłowski/Kaczanowska 2009: J. K. Kozłowski/M. Kaczanowska, The Mesolithic in the Aegean Basin. How to Interpret the Pre-Neolithic Settlement of the Aegean Islands and its Role in the Neolithization of Southeastern Europe .In: J .J .Shea/D .E .Liberman (eds .), Transitions in Prehistory .Papers in Honor of Ofer Bar-Yosef (Cambridge 2009) 357– 383.

Kozłowski/Kozłowski 1982: J. K. Kozłowski/S. K. Kozłowski, Lithic Industries from the Multi-Layer Mesolithic Site, Vlasac, in Yugoslavia. In: J. K. Kozłowski (ed.), Origin of the Chipped Stone Industries of the Early Farming Cultures in the Balkans .Prace archeologiczne 33 (Warsaw 1982) 11– 109 .

Kozłowski et al. 1992: J. Kozłowski/H. Laville/B. Ginter, Temnata Cave, Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria: I .1 (Krakow 1992) .

Krause et al. 2007: J .Krause/C .Lalueza-Fox/L .Orlando/W .Enard/R .E .Green/H .A .Burbano/J .-J .Hublin/C . Hänni/J .Fortea/M .de la Rasilla/J .Bertranpetit/A .Rosas/S .Pääbo, The Derived FOXP2 Variant of Modern Humans was Shared with Neanderthals .Current Biology 17 .21, 2007, 1908– 1912 .

Kraynov 1940: D .A .Kraynov, Peschernaya stoyanka Zamil-Koba 1 .Sbornik statey po arheologii SSSR . Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja 8, 1938, 7– 32 .

Kuhn 1995: S .Kuhn, Mousterian Lithic Technology .An Ecological Perspective (Princeton 1995) .

Kuhn 2012: S .Kuhn, Emergent Patterns of Creativity and Innovation in Early Technologies .In: S .Elias (ed .), Origins of Human Innovation and Creativity (Amsterdam 2012) 69– 87 .

Kuhn/Stiner 2007: S .Kuhn/M .Stiner, Body Ornamentation as Information Technology .Towards an Understanding of the Significance of Early Beads. In: P. Mellars/K. Boyle/O. Bar-Yosef/C. Stringer (eds.), Rethinking the Human Revolution .New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans (Cambridge 2007) 45– 54 .

Kuhn et al. 2010: S. L. Kuhn/J. Pigati/P. Karkanas/M. Koumouzelis/J. K. Kozłowski/M. Ntinou/M. C. Stiner, Radiocarbon Dating Results for the Early Upper Palaeolithic of Klissoura Cave 1 .Eurasian Prehistory 7 .2, 2010, 37– 46 .

Kyparissi-Apostolika 2003: N .Kyparissi-Apostolika, The Mesolithic in Theopetra Cave .Data on a Debated Period of Greek Prehistory .In: N .Galanidou/C .Perlès (eds .), The Greek Mesolithic .Problems and Perspectives (London 2003) 189– 198 .

Laplace 1964: G .Laplace, Les subdivisions du Leptolithique italien .Etude de typologie analytique . Bullettino di Paletnologia Italiano 73, 1964, 25– 63 .

Laplace 1966: G .Laplace, Recherches sur l'origine et l'évolution des complexes leptolithiques .Melanges d'Archéologie et d'Histoire, Suppl .4 (Paris 1966) .

Lévi-Strauss 1987: C .Lévi-Strauss, Structural Anthropology II (London 1987) .

Lévi-Strauss 1995: C .Lévi-Strauss, The Story of Lynx (Chicago 1995) .

Lowe et al. 2012: J .Lowe/N .Barton/S .Blockley/C .Bronk Ramsey/V .L .Cullen/W .Davies/C .Gamble/ K . Grant/M .Hardiman/R .Housley/C .S .Lane/Sh .Lee/M .Lewis/A .MacLeod/M .Menzies/W . Mueller/ M . Pollard/C .Price/A .P .Roberts/E .J .Rohling/C .Satow/V .Smith/C .B .Stringer/E .Tomlinson/ D . White/ P. Albert/I. Arienzo/G. Barker/D. Borić/A. Carandante/L. Civetta/C. Ferrier/J.-L. Guadelli/P. Karkanas/ M . Koumouzelis/U .Muller/G .Orsi/J .Pross/M .Rosi/L .Shalamanov-Korobar/N .Sirakov/P .Tzedakis, Volcanic Ash Layers Illuminate the Resilience of Neanderthals and Early Modern Humans to Natural Hazards .Proceedings of the National Academy of Sciences 109 .34, 2012, 13532– 13537 .

Malez 1979: M .Malez, Nalazišta paleolitskog i mezolitskog doba u Hrvatskoj .In: A .Benac (ed .), Praistorija jugoslavenskih zemalja .Paleolitsko i mezolitsko doba:1 (Sarajevo 1979) 227– 276 .

Mărgărit 2008: M. Mărgărit, L'Art mobilier paléolithique et mésolithique de Roumanie et de la République Moldova en contexte central et est-europeen (Târgoviște 2008).

Mellars 1996: P .Mellars, The Neanderthal Legacy .An Archaeological Perspective from Western Europe (Princeton 1996) .

Mezzena/Palma di Cesnola 1967: A .Mezzena/A .Palma di Cesnola, L'Epigravettiano della Grotta Paglicci nel Gargano (scavi F .Zorzi 1961– 1963) .Rivista di Scienze Preistoriche 22 .1, 1967, 23– 156 .

Mihailović 2007: D. Mihailović, Social Aspects of the Transition to Farming in the Balkans. Documenta Praehistorica 34, 2007, 73– 88 .

Mihailović 2008: B. Mihailović, The Gravettian Site Šalitrena pećina near Mionica (Western Serbia). In: A. Darlas/D. Mihailović (eds.), The Palaeolithic of the Balkans. BAR International Series 1891 (Oxford 2008) 101– 106 .

Mihailović 2009: D. Mihailović, Middle Palaeolithic Settlement at Petrovaradin Fortress (Novi Sad 2009).

Mihailović et al. 2011: D. Mihailović/B. Mihailović/M. Lopičić, The Palaeolithic in Northern Serbia. In: N. Tasić/F. Drașovean (eds.), The Prehistory of Banat 1. The Paleolithic and Mesolithic (Bucharest 2011) 78– 101 .

Miracle 1997: P. T. Miracle, Early Holocene Foragers in the Karst of Northern Istria. Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in

eneolita v Sloveniji 24, 1997, 43– 61 .

Miracle 2007: P. Miracle, The Late Glacial 'Great Adriatic Plain'. 'Garden of Eden' or 'No Man's Land' during the Epipalaeolithic? A View from Istria (Croatia) .In: R .Whallon (ed .), Late Paleolithic Environments and Cultural Relations around the Adriatic .BAR International Series 1716 (Oxford 2007) 41– 51 .

Mussi 2002: M. Mussi, The Earliest Italy. An Overview of the Italian Palaeolithic and Mesolithic (New York 2002) .

Mussi/Zampetti 1985: M .Mussi/D .Zampetti, Il Paleolitico delle Caverne Falische .Una messa a punto .In: M .Liverani/A .Palmieri/R .Peroni (eds .), Studi di paletnologia in onore di S .M .Puglisi (Roma 1985) 627– 645 .

Osole 1962/1963: R. Osole, Mlajši paleolitik iz Ovčje jame. Arheološki vestnik13/14, 1962/1963, 129– 144.

Păunescu 1970: A. Păunescu, Epipaleoliticul de la Cuina Turcului-Dubova. Studii şi Cercetări Istorie Veche şi Archeologice 21.1, 3– 29.

Păunescu 2000: A. Păunescu, Paleoliticul şi mezoliticul din spaţiul cuprins între Carpaţi şi Dunăre (Bucharest 2000) .

Pawlikowski 1992: M. Pawlikowski, The Origins of Lithic Raw Materials. In: J. Kozłowski/H. Laville/B. Ginter (eds .), Temnata Cave, Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria: I .1 (Krakow 1992) 241– 288 .

Pennacchioni/Tozzi 1984: M .Pennacchioni/C .Tozzi, L'Epigravettiano di Cenciano Diruto (Vignanello, Viterbo). Atti della XXIV Riunione Scientifica dell'lstituto Italiano di Preistoria e Protostoria 24, 1984, 183– 193 .

Peresani 2012: M. Peresani, Fifty Thousand Years of Flint Knapping and Tool Shaping Across the Mousterian and Uluzzian Sequence of Fumane Cave .Quaternary International 247, 2012, 125– 150 .

Perlès 2013: C. Perlès, Tempi of Change. When Soloists don't Play Together. Arrhythmia in 'Continuous' Change .Journal of Archaeological Method and Theory 20, 2013, 281– 299 .

Perlès/Vanhaeren 2010: C .Perlès/M .Vanhaeren, Black Cyclope Neritea Marine Shell Ornaments in the Upper Palaeolithic and Mesolithic of Franchthi Cave, Greece .Arguments for Intentional Heat Treatment .Journal of Field Archaeology 35 .3, 2010, 298– 309 .

Plisson/Geneste 1989: H. Plisson/J. M. Geneste, Analyse technologique des pointes à cran solutréennes du Placard (Charente), du Fourneau du Diable, du Pech de la Boissiere et de Combe Saunière (Dordogne) . Paléo 1, 1989, 65– 105 .

Powell et al. 2009: A .Powell/D .Shennan/M .Thomas, Late Pleistocene Demography and the Appearance of Modern Human Behavior .Science 324, 2009, 1298– 1301 .

Powell et al. 2010: J. L. Powell/P. A. Lewis/R. I. M. Dunbar/M. García-Fiñana/N. Roberts, Orbital Prefrontal Cortex Volume Correlates with Social Cognitive Competence .Neuropsychologia 48 .12, 2010, 3554– 3562 .

Radovanović 1981: I. Radovanović, Ranoholocenska kremena industrija sa lokaliteta Padina u Djerdapu (Beograd 1981) .

Radovanović 1986: I. Radovanović, Novija istraživanja paleolita i mezolita u Crnoj Gori. Glasnik Srpskog arheološkog društva 3, 1986, 63– 77 .

Rähle 1978: W .Rähle, Schmuckschnecken aus mesolithischen Kulturschichten Süddeutschlands und ihre Herkunft (Probstfeld, Falkensteinhöhle, Burghöhle Dietfurt, Zigeunerfels, Große Ofnet) .In: W .Taute (ed .), Das Mesolithikum in Süddeutschland: 2 .Tübinger Monographien zur Urgeschichte (Tübingen 1978) 163– 268 .

Reimer et al. 2013: P .J .Reimer/E .Bard/A .Bayliss/J .W .Beck/P .G .Blackwell/C .Bronk Ramsey/P .M . Grootes/ T. P. Guilderson/H. Haflidason/I. Hajdas/C. Hatt/T. J. Heaton/D. L. Hoffmann/A. G. Hogg/K. A. Hughen/ K .F .Kaiser/B .Kromer/S .W .Manning/M .Niu/R .W .Reimer/D .A .Richards/E .M .Scott/J .R .Southon/ R . A . Staff/C .S .M .Turney/J .van der Plicht, IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0– 50,000 Years cal BP. Radiocarbon 55.4, 2013, 1869– 1887.

Reingruber 2011: A .Reingruber, Early Neolithic Settlement Patterns and Exchange Networks in the Aegean .Documenta Prehistorica 38, 2011, 291– 305 .

Richards et al. 2000: M. P. Richards/P. B. Pettitt/E. Trinkaus/F. H. Smith/M. Paunović/I. Karavanić, Neanderthal Diet at Vindija and Neanderthal Predation .The Evidence from Stable Isotopes .Proceedings of the National Academy of Sciences 97,

2000, 7663– 7666 .

Rigaud 2011: S .Rigaud, La parure .Traceur de la géographie culturelle et des dynamiques de peuplement au passage Mésolithique-Néolithique en Europe (Unpublished PhD thesis, University of Bordeaux 2011), http://tel .archives-ouvertes .fr/tel-00668694 (last access July 20, 2015) .

Rigaud et al. 2014: S .Rigaud/M .Vanhaeren/A .Queffelec/G .Le Bourdon/F .d'Errico, The Way we Wear Makes the Difference .Residue Analysis Applied to Mesolithic Personal Ornaments from HohlensteinStadel (Germany) .Archaeological and Anthropological Sciences 6 .2, 2014, 133– 144 .

Rigaud et al. 2015: S. Rigaud/F. d'Errico/M. Vanhaeren, Ornaments Reveal Resistance of North European Cultures to the Spread of Farming .PLOS One .DOI:10 .1371/journal .pone .0121166 .

Rink et al. 2002: W. J. Rink/I. Karavanić/P. B. Pettitt/J. van der Plicht/F. H. Smith/J. Bartoll, ESR and AMSBased 14C Dating of Mousterian Levels at Mujina Pećina, Dalmatia, Croatia. Journal of Archaeological Science 29, 2002, 943– 952 .

Rink et al. 2013: W. J. Rink/N. Mercier/D. Mihailović/M. W. Morley/J. W. Thompson/M. Roksandic, New Radiometric Ages for the BH-1 Hominin from Balanica (Serbia) .Implications for Understanding the Role of the Balkans in Middle Pleistocene Human Evolution .PLOS ONE 8 .2, 2013, 54608 .

Roksandic et al. 2009: M. Roksandic/D. Mihailović/N. Mercier/V. Dimitrijević/M. W. Morley/Z. Rakocevic/ B. Mihailović/B. Guibert/J. Babb, A Human Mandible BH-1 from the Pleistocene Deposits of Mala Balanica Cave (Sićevo Gorge, Serbia). Journal of Human Evolution 61, 2009, 186– 196.

Romandini et al. 2012: M .Romandini/M .Peresani/F .Gurioli/B .Sala, Marmota Marmota, the Most Common Prey Species at Grotta del Clusantin .Insights from an Unusual Case-Study in the Italian Alps .Quaternary International 252, 2012, 184– 194 .

Sahlins 1976: M .Sahlins, Culture and Practical Reason (Chicago 1976) .

Shennan 2001: S .Shennan, Demography and Cultural Innovation .A Model and its Implications for the Emergence of Modern Human Culture .Cambridge Archaeological Journal 11, 2001, 5– 16 .

Sirakov et al. 2010: N .Sirakov/J .-L .Guadelli/S .Ivanova/S .Sirakova/M .Boudadi-Maligne/Ph .Dimitrova Fernandez/C .Ferrier/A .Guadelli/D .Iordanova/N .Iordanova/M .Kovatcheva/I .Krumov/J .-Cl .Leblanc/ V .Miteva/V .Popov/R .Spassov/S .Taneva/T .Tsanova, An Ancient Continuous Human Presence in the Balkans and the Beginnings of Human Settlement in Western Eurasia .A Lower Pleistocene Example of the Lower Palaeolithic Levels in Kozarnika Cave (North-Western Bulgaria) .Quaternary International 223/224, 2010, 94– 106 .

Soficaru et al. 2006: A. Soficaru/A. Doboș/E. Trinkaus, Early Modern Humans from the Peștera Muierii, Baia de Fier, Romania .Proceedings of the National Academy of Sciences 103 .46, 2006, 17196– 17201 .

Soficaru et al. 2007: A. Soficaru/C. Petrea/A. Dobos/E. Trinkaus, The Human Cranium from the Peștera Cioclovina Uscata, Romania .Context, Age, Taphonomy, Morphology, and Paleopathology .Current Anthropology 48 .4, 2007, 611– 619 .

Spinapolice 2012: E .E .Spinapolice, Raw Material Economy in Salento (Apulia, Italy) .New Perspectives on Neanderthal Mobility Patterns .Journal of Archaeological Science 39, 2012, 680– 689 .

Stiner 1994: M .C .Stiner, Honor Among Thieves .A Zooarchaeological Study of Neandertal Ecology (Princeton 1994) .

Stiner 1999a: M .C .Stiner, Palaeolithic Mollusc Exploitation at Riparo Mochi (Balzi Rossi, Italy) .Food and Ornaments from the Aurignacian through Epigravettian .Antiquity 73, 1999, 735– 754 .

Stiner 1999b: M .C .Stiner, Shell Ornaments from the Upper Paleolithic through Mesolithic Layers of Klissoura Cave 1 by Prosymna (Peloponese, Greece) .Eurasian Prehistory 7 .2, 1999, 287– 308 .

Stiner 2010: M .C .Stiner, Shell Ornaments from the Upper Palaeolithic through Mesolithic Layers of Klissoura Cave 1 by Prosymna (Peloponnese, Greece) .Eurasian Prehistory 7 .2, 2010, 287– 308 .

Trinkaus/Constantin/Zilhão: E. Trinkaus/S. Constantin/J. Zilhão (eds.) Life and Death at the Peştera cu Oase. A Setting for Modern Human Emergence in Europe (New York 2013).

Tsanova 2008: Ts. Tsanova, Les débuts du Paléolithique supérieur dans l'Est des Balkans. Réflexion à partir des études taphonomique et techno-économique des ensembles lithiques des grottes Bacho Kiro (couche 11), Temnata (couche VI et 4) et Kozarnika (niveau VII) .BAR International Series 1752 (Oxford 2008) .

Ucelli Gnesutta/Cristiani 2002: P .Ucelli Gnesutta/E .Cristiani, Analisi stilistica e tecnologica di frammenti di osso decorato dai livelli epigravettiani della Grotta di Settecannelle (Viterbo) .Rivista di Scienze Preistoriche 52, 2002, 143– 160 .

Ucelli Gnesutta/Cristiani 2014: P .Ucelli Gnesutta/E .Cristiani, Analisi tipologica e funzionale delle punte à cran epigravettiane della Grotta delle Settecannelle (Viterbo). In: N. Negroni Catacchio (ed.), Atti dell'Undicesimo Incontro di Studi Valentano (VT) – Pitigliano (GR), 14– 16 Settembre 2012 (Milano 2014) 595– 614 .

Vacca/Coppola 1993: E .Vacca/D .Coppola, The Upper Palaeolithic Burial at the Cave of Santa Maria di Agnano (Ostuni, Brindisi) .Preliminary Report .Rivista di Antropologia 71, 1993, 275– 284 .

Vanhaeren/d'Errico 2001: M .Vanhaeren/F .d'Errico, La Parure de l'enfant de la Madeleine (Fouilles Peyrony) .Un nouveau regard sur l'enfance au Paléolithique supérieur .Paléo 13, 2001, 201– 240 .

Vanhaeren/d'Errico 2003: M. Vanhaeren/F. d'Errico, Childhood in the Epipaleolithic. What do Personal Ornaments Associated to Burials Tell Us? In: L. Larsson/H. Kindgren/K. Knutsson/D. Leoffler/ E . Akerlund (eds .), Mesolithic on the Move .Papers Presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000 (Oxford 2003) 494– 505

Vanhaeren/d'Errico 2006: M .Vanhaeren/F .d'Errico, Aurignacian Ethno-Linguistic Geography of Europe Revealed by Personal Ornaments .Journal of Archaeological Science 33, 2006, 1105– 1128 .

Völzing 1938: O .Völzing, Die Grabungen 1937 am Hohlestein im Lonetal, Fundberichte aus Schwaben, N .F . 9, 1938, 1– 7 .

Vujević/Parica 2009/2010: D. Vujević/M. Parica, Nakit i umjetnost pećine Vlakno. Archaeologia Adriatica 3/4, 2009/2010, 23– 34 .

Wetzel 1938: R .Wetzel, Die Kopfbestattung und die Knochentrümmerstätte des Hohlensteins im Rahmen der Urgeschichte des Lonetals .Verhandlungen der Deutschen Gesellschaft für Rassenforschung 9, 1938, 13– 212 .

Whallon 1999: R .Whallon, The Lithic Tool Assemblages at Badanj within their Regional Context .In: G .N .Bailey/E .Adam/C .Perlès/E .Panagopoulou/K .Zachos (eds .), The Palaeolithic Archaeology of Greece and Adjacent Areas (London 1999) 330– 342 .

Whallon 2006: R. Whallon, Social Networks and Information. Non-'Utilitarian'Mobility Among HunterGatherers .Journal of Anthropological Archaeology 25, 2006, 259– 270 .

Whallon 2007a: R .Whallon, Social Territories Around the Adriatic in the Late Pleistocene .In: R .Whallon (ed .), Late Palaeolithic Environments and Cultural Relations Around the Adriatic .BAR International Series 1716 (Oxford 2007) 61– 65 .

Whallon 2007b: R .Whallon, Spatial Distributions and Activities in Epigravettian Level 6 at the Site of Badanj, Bosnia and Herzegovina .Glasnik Srpskog arheološkog društva 23, 2007, 9– 26 .

Whallon et al .2011: R .Whallon/W .Lovis/R .K .Hitchcock (eds .), Information and its Role in Hunter-Gatherer Bands (Los Angeles 2011) .

White 2007: R .White, Systems of Personal Ornamentation in the Early Upper Palaeolithic .Methodological Challenges and New Observations. In: P. Mellars/K. Boyle/O. Bar-Yosef/C. Stringer (eds.), Rethinking the Human Revolution (Cambridge 2007) 287– 302 .

Wiessner 1982: P .Wiessner, Risk, Reciprocity and Social Influences on !Kung San Economics .In: E . Leacock/R .B .Lee (eds .), Politics and History in Band Societies (Cambridge 1982) 61– 84 .

Willis 1994: K .J .Willis, The Vegetational History of the Balkans .Quaternary Science Reviews 13, 1994, 769– 788 .

Willis 1996: K .J .Willis, Where did all the Flowers Go? The Fate of Temperate European Flora During the Glacial Periods .Endeavour 20, 1996, 110– 114 .

Willis/Van Andel 2004: K .J .Willis/T .H .Van Andel, Trees or no Trees? The Environment of Central and Eastern Europe during the Last Glaciation .Quaternary Science Reviews 23, 2004, 2369– 2387 .

Wobst 1974: M .Wobst, Boundary Conditions for Palaeolithic Social Systems .A Simulation Approach . American Antiquity 39, 1974,

147– 178 .

Wobst 2000: M .Wobst, Regions and Late Pleistocene Hunter-Gatherers .In: G .Larsen Peterkin/ H . A . Price (eds .), Regional Approaches to Adaptation in Late Pleistocene Western Europe .BAR International Series (Oxford 2000) 221– 229 .

Wobst 2011: M .H .Wobst, Foraging for Information among Foragers – an Afterword .In: R .Whallon/W . Lovis/R .K .Hitchcock (eds .), Information and its Role in Hunter-Gatherer Bands (Los Angeles 2011), 267– 280 .

Zilhão et al. 2007: J. Zilhão/E. Trinkaus/S. Constantin/Ş. Milota/M. Gherase/L. Sarcina/A. Danciu/H. Rougier/J. Quilès/R. Rodrigo, The Peştera cu Oase People, Europe's Earliest Modern Humans. In: P.Mellars/K. Boyle/O. Bar-Yosef/C. Stringer (eds.), Rethinking the Human Revolution. New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans (Cambridge 2007) 249– 262 .

Душан Борич (Dušan Borić), отделение археологии и консервации SHARE, Университет Кардиффа (Уэльс)

boricd@cardiff.ac.uk

Эмануэла Кристиани (Emanuela Cristiani), Институт археологических исследований Мак Дональда Университета Кембриджа

ec484@cam.ac.uk

Статья опубликована в сборнике: Southeast Europe before neolithisation, Raiko Krauss and Harald Floss (Eds.), Proceedings of the International Workshop within the Collaborative Research Centres sfb 1070 "RessourcenKulturen", Schloss Hohentübingen, 9-th of May 2014, p.74-104.